Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ восемнадцатый. | Выходятъ по Воскресеньямъ. | 4-го Мая 1880 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные *NN* Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1880 г. по 10 коп. (марками). Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 17-18.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

Именные высочайшіе указы, данные: Государственному совѣту:

1880 года апрѣля 24-го. Министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ графъ *Толстой*, согласно прошенію, всемилостивѣйше увольняется отъ сихъ должностей и назначается членомъ государственнаго совѣта, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Правительствующему сенату:

1880 года апрѣля 24-го. Члену государственнаго совѣта, сенатору, тайному совѣтнику *Побѣдоносцеву* всемилостивѣйше повелѣваемъ быть оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи сенатора.

Апрѣля 24-го. Попечителя дерптскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника *Сабурова* всемилостивѣйше жалуемъ въ Наши *статсъ-секретари*, съ назначеніемъ его управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

— Именными Высочайшими грамотами 20 сего апрѣля пожалованы ордена: святаго равноапостольнаго князя *Владиміра первой степени* преосвященному *Макарію*, митрополиту московскому и коломенскому; *Владиміра второй степени*: преосвященному *Игнатію*, епископу костромскому и галичскому; преосвященному *Антонію*, епископу енисейскому и красноярскому; преосвященному *Григорію*, епископу пензенскому и саранскому и преосвященному *Тихону*, епископу саратовскому и царицинскому; *святыя Анны первой степени*: преосвященному *Михаилу*, епископу уманскому, викарію кіевской епархіи и преосвященному *Владиміру*, епископу ковенскому, викарію литовской епархіи; *святаго Владиміра 3-й степени* — преосвященнымъ епископамъ: Туркестанскому *Александру* и викаріямъ епархій—Московской *Амвросію*—Дмитровскому и *Алексію* — Можайскому; Иркутской — *Мелетію*—Селенгинскому и Имеретинской *Виссаріону*—Мингрельскому.

— Епископы: вятскій *Аполлосъ* и тверской *Савва* Всемилостивѣйше возведены *въ санъ архіепископа*.

— Всемилостивѣйше произведенъ за отличіе по службѣ изъ статскихъ совѣтниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники—Виленскій губернскій (онъ же и епархіальный) архитекторъ *Николай Чагинъ*.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

Преосвященному Макарію, митрополиту московскому и коломенскому.

По вниманію къ отличнымъ достоинствамъ, всегда украшавшимъ архипастырское служеніе ваше, бывъ Нами призваны на каѳедру московской митрополіи, вы не престаете являть и на семъ новомъ святительскомъ поприщѣ высокія качества, стяжавшія уже вамъ глубокое уваженіе первопрестольной столицы и всей вашей паствы. Объемля просвѣщенною попечительностью и твердымъ руководствомъ направляя всѣ части епархіальнаго управленія, вы обращаете къ пасомымъ живое слово христіанскаго назиданія, путемъ печати распространяемое во всѣ предѣлы отечества; а опытнымъ участіемъ въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, по званію члена святѣйшаго синода, споспѣшествуете разъясненію и разрѣшенію весьма важныхъ церковныхъ вопросовъ. Среди сихъ многообразныхъ трудовъ вы продолжаете обогащать духовную науку изданіемъ вашихъ ученыхъ твореній, которыя навсегда останутся памятниками вашей достохвальной ревности на пользу ея и вашего высокаго просвѣщенія.

Желая почтить столь отличное и полезное для церкви и отечества служеніе ваше изъявленіемъ особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія, Всемилостивѣйше сопричислили Мы васъ къ Императорскому ордену Нашему *святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени*, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею всегда благосклонны.

Преосвященному Владиміру, епископу ковенскому, викарію литовской епархіи.

Въ ознаменованіе Монаршаго вниманія къ отлично-усердному служенію вашему и ревностнымъ трудамъ въ содѣйствіе епархіальному преосвященному, по засвидѣтельствованію о семъ архіепископа литовскаго, всемилостивѣйше сопричислили Мы васъ къ Императорскому ордену Нашему *святыя Анны первой степени*, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостью Нашею благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Въ С.-Петербургѣ.
20-го апрѣля 1880 года.

Положеніе *) *о Высочайше утвержденной 20 февраля 1880 года стипендіи Августѣйшаго Его Императорскаго Величества Имени при Виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства.*

1) При Виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства, состоящемъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, учреждается одна стипендія Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени на % съ капитала 1600 руб., заключающагося въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, пожертвованнаго духовенствомъ Литовской епархіи, въ память двадцатипятилѣтія достославнаго и благодѣтельнаго царствованія Его Величества Государя Императора Александра Николаевича.

2) Проценты назначаются на содержаніе одной воспитанницы въ названномъ училищѣ въ размѣрѣ 80 р. и на единовременное пособіе ей, послѣ окончанія училищнаго курса, съ % образовавшихся отъ увеличенія суммы, при обращеніи въ процентныя бумаги и вообще изъ остатковъ, какіе будутъ сверхъ означенной суммы, назначенной на содержаніе стипендіатки.

3) Стипендіею этою пользуются дочери священниковъ Литовской епархіи, похвально отличающіяся прилежаніемъ, успѣхами и поведеніемъ.

4) Выборъ стипендіатокъ производится непремѣнно 19 февраля изъ своекоштныхъ воспитанницъ младшаго класса сиротъ или бѣднѣйшихъ и многосемейныхъ родителей; для чего, по опредѣленію училищнаго начальства, заблаговременно избираются три воспитанницы, а окончательное избраніе одной изъ нихъ на стипендію рѣшается посредствомъ жребія, въ присутствіи училищнаго начальства, учащихъ и учащихся.

5) Внесенныя родителями или опекунами училищу платы за содержаніе избранной воспитанницы, по день поступленія на стипендію, не возвращаются, деньги же по расчету по 19 февраля изъ суммы, назначенной на стипендію, отчисляются для выдачи согласно 2 пункта. Копію скрѣпилъ секретарь А. Гавриловъ.

— **Правительственное сообщеніе.** «Во многихъ столичныхъ газетахъ появилось извѣстіе, заимствованное изъ иностранной печати, что по инціативѣ главнаго начальника верховной распорядительной коммиссіи начаты переговоры съ нѣкоторыми, пользующимися въ польскомъ обществѣ извѣстностью, лицами о примиреніи русскихъ съ поляками.

«Извѣстіе это совершенно невѣрно и всецѣло должно быть отнесено къ области выдумокъ».

— Г. главный начальникъ края, телеграммою отъ 17-го сего апрѣля, имѣлъ счастіе повергнуть къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданическое поздравленіе отъ войскъ виленскаго военнаго округа, дворянства, духовенства и всѣхъ сословій края по случаю славнаго для Россіи дня рожденія Его Императорскаго Величества.

Въ отвѣтъ на это его высокопревосходительство получилъ, тогоже числа, телеграмму отъ военнаго министра, генералъ-адъютанта графа Милютина, о томъ, что Государь Императоръ благодаритъ за принесенное поздравленіе.

Мѣстныя Распоряженія.

— **Назначенія.** 15 апрѣля, вакантное мѣсто помощника настоятеля при Бездѣжской церкви, Кобринскаго уѣзда, предоставлено псаломщику Пружанской соборной церкви *Ѳеофилу Демьяновичу.*

— 15 апрѣля, на вакантное мѣсто псаломщика при церкви Воспитательнаго дома въ Вильнѣ назначенъ почетный гражданинъ *Іоаннъ Орловъ.*

— 24 апрѣля, на вакантное мѣсто настоятеля при Доропіевичской церкви, Кобринскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенію, помощникъ настоятеля Сморгонской церкви, *Платонъ Станкевичъ.*

— 28 апрѣля, и. д. псаломщика Цитовянской церкви, *Серафимъ Макаревичъ* **уволенъ**, согласно прошенію, отъ должности.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Награды.** Государь Императоръ 22 февраля сего года Высочайше соизволилъ на награжденіе, за заслуги по духовному вѣдомству,—серебряною медалью для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ Ковенскаго 2 гильдіи купца—старосты Ковенскаго собора, *Алексѣя Аржанова.*

— 23 апрѣля, законоучитель Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, священникъ *Антоній Гацкевичъ* за весьма усердное служеніе церкви награжденъ набедренникомъ.

— Указомъ Правительствующаго Сената отъ 3 апрѣля за № 55, столоначальникъ Литовской консисторіи *Петръ Некрасовъ* **произведенъ**, за выслугу лѣтъ, **въ чинъ** коллежскаго секретаря, со старшинствомъ съ 30 ноября 1879 года.

— **Некрологи.** 5 апрѣля, скончался заштатный священникъ Олтушской церкви, Брестскаго уѣзда, *Іоаннъ Павловичъ* на 83 году жизни.

— 16 апрѣля, скончался и. д. псаломщика Миронимской церкви, Слонимскаго уѣзда, *Ѳаддей Антон. Пигальскій* на 60 году жизни.

— 16 апрѣля, скончался настоятель Девятковичской церкви, Слонимскаго уѣзда, *Каллистъ Ральцевичъ* на 56 году жизни.

— 19 апрѣля, преосвященнымъ Донатомъ, епископомъ Брестскимъ, іеродіаконъ Супрасльскаго монастыря *Варлаамъ* **рукоположенъ** во іеромонаха, а монахъ *Пантелеимонъ* во іеродіакона.

— **Пожертвованія.** Настоятельница Виленскаго женскаго монастыря игуменія Антонія пожертвовала къ празднику Христова Воскресенія, въ церковь Виленскаго воспитательнаго дома „Іисусъ Младенецъ", блѣдно-розоваго шелковаго репса воздухи, окаймленные голубою шелковою матеріею, сребро-позлащенною бахрамою и вышитыми на нихъ украшеніями.

— Въ *Массалянскую* церковь, Гродненскаго уѣзда, усердіемъ прихожанъ и заботливостію священника Мороза, пріобрѣтены слѣдующія двѣ иконы, въ 2 арш. вышины

---

*) Утверждено Св. Синодомъ и прислано при указѣ онаго отъ 10 апрѣля сего года за № 1363.

и $1\frac{1}{4}$ арш. ширины, писанныя на холстѣ,—одна *Иверской Божіей Матери* съ надписью золотыми буквами въ верху: милосердія двери отверзи намъ.... а въ низу: въ память избавленія Государя Императора Александра II отъ угрожавшей Ему опасности 2 апрѣля и 19 ноября 1879 г., а другая *св. равноапостольныхъ царей Константина и Елены* съ надписью въ низу: въ память 25-ти лѣтія царствованія Государя Императора Александра II, 19 февраля 1880 г. Кромѣ того, по ходатайству мѣстнаго священника, помѣщикъ имѣнія Массалянъ Иванъ Камилличъ Биспингъ (римско-католическ. вѣроисповѣданія) сдѣлалъ къ иконамъ, безденежно, три красивыя рамы столярской работы, покрытыя лакомъ;—лакей этого помѣщика крестьянинъ Осипъ Васильевъ Хваленя пожертвовалъ на 6 р. большихъ золоченыхъ свѣчь на престолъ, къ паникадилу и къ иконамъ, и солдатка г. Гродно, бывшая прихожанка Массалянской церкви, Марія Ивановна Балицкая пожертвовала серебряно-позолоченную икону Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, въ кіотѣ на сумму 21 р. Принося этотъ даръ церкви, жертвователи хотѣли выразить ту мысль, что икона Иверской Божіей Матери должна всегда напоминать молящимся предъ нею о спасеніи Богомъ драгоцѣнной жизни Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича, такъ какъ 19 ноября 1879 г., въ то самое время, когда на Курской желѣзной дорогѣ послѣдовалъ взрывъ, въ намѣреніи погубить священную особу нашего Царя-Освободителя, Государь Императоръ уже молился въ Москвѣ предъ чудотворною иконою Иверской Божіей Матери и былъ внѣ всякой опасности. Другая икона св. равноапостольныхъ царей Константина и Елены должна напоминать православнымъ богомольцамъ, что какъ Константинъ Великій былъ первымъ изъ царей защитникомъ христіанской вѣры на востокѣ и христіане того времени подъ его покровительствомъ строили храмы и свободно исповѣдывали вѣру христіанскую, такъ и во время славнаго 25 л. царствованія Государя Императора, между другими дѣлами, возвеличившими Его какъ Освободителя, совершено и великое дѣло, внѣ Россіи, на востокѣ, гдѣ побѣдами нашего славнаго воинства освобождены единовѣрные намъ христіане отъ мученій и преслѣдованій за вѣру отъ магометанъ и такимъ образомъ водружено знамя свободы отъ рабства и на востокѣ, возвеличена и тамъ слава имени нашего Царя-Освободителя, подобно Константину Великому.

— Прихожане Кобринской соборной церкви пожертвовали въ оную, въ память истекшаго 25 лѣтія царствованія Государя Императора Александра Николаевича, евангеліе въ окладѣ въ 120 руб.

— Въ Кобринскую соборную церковь вдовою священника Параскевою Пашкевичъ пожертвована риза парчевая въ 45 р., и церковнымъ старостою Иваномъ Филиповичемъ такая же риза въ 40 р.

— **Объявленіе.** Въ Гродненскомъ губернскомъ особомъ объ обеспеченіи быта православнаго духовенства присутствіи будутъ производиться 15 мая сего года изустные и посредствомъ запечатанныхъ объявленій торги съ узаконенною чрезъ три дня переторжкою на отдачу въ подрядъ постройки и исправленія причтовыхъ зданій въ пяти приходахъ Слонимскаго уѣзда, а именно: Переволокскомъ за 1864 р. 69 к., Островскомъ за 1448 р. 62 к., Любищицкомъ за 986 р. 2 к., Бусяжскомъ за 1019 р. и Яглевичскомъ за 982 р. 90 к., а также въ Райскомъ приходѣ Бѣльскаго уѣзда за 1030 р. и Стрѣльнянскомъ приходѣ Кобринскаго уѣзда за 1980 руб. Желающіе принять подрядъ нераздѣльно или отдѣльно по каждому приходу должны представить въ присутствіе узаконенные залоги, равняющіеся $\frac{1}{10}$ части годовой договоренной суммы—наличными деньгами или процентными бумагами, гарантированными правительствомъ, а $\frac{1}{3}$ части свидѣтельствами на дома и другія недвижимыя имущества.

— *Содержатель книжнаго магазина Сергѣй Павловичъ Глазенапъ обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣд. письмомъ*, которое, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, объявляется въ епарх. вѣдомостяхъ:

Ваше Преосвященство! Многіе изъ гг. священниковъ и простыхъ гражданъ, живущихъ въ провинціи, обращаются въ мой магазинъ съ просьбою выслать имъ всѣ вновь выходящія печатныя рѣчи, произнесенныя съ каѳедры Исаакіевскаго собора. Всѣ подобныя требованія постоянныхъ покупателей магазина исполняются мною немедленно же.

Сознавая великую пользу въ распространеніи вышеупомянутыхъ печатныхъ рѣчей и желая доставить всевозможныя облегченія для ихъ полученія немедленно же послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, я предлагаю Вашему Преосвященству указывать на мой магазинъ всѣмъ тѣмъ, кои пожелаютъ получить таковыя рѣчи. По выходѣ ихъ въ свѣтъ, я тотчасъ же буду высылать ихъ подъ бандеролью по почтѣ, не ожидая на то особаго требованія или приказа.

На каждую рѣчь слѣдуетъ прилагать 5 коп. почтовую марку.

Всѣ требованія будутъ исполнены аккуратно, такъ какъ въ этомъ заключается главная цѣль моего книжнаго магазина.

С.-Петербургъ, Поварской пер., № 15.

— **Вакансіи. Настоятеля:** въ с. *Девятковичахъ*, Слонимскаго уѣзда, въ с. *Собакинцахъ*—Лидскаго уѣзда и въ с. *Изабелинѣ*—Волковыскаго уѣзда. **Помощника настоятеля:** 1) при городской Пружанской Христорождественской церкви, 2) при сельскихъ церквахъ: Новоберезовской и Клещельской Бѣльскаго уѣзда, Щаранской, Лысковской и Ружанской, Слонимскаго уѣзда, въ *Чересахъ* — Дисненскаго уѣзда, и мѣстечкѣ *Сморгоняхъ*, Ошмянскаго уѣзда, **Псаломщиковъ:** въ селѣ *Церковникахъ* — Брестскаго уѣзда, въ с. *Киселевцахъ* — Кобринскаго уѣзда, въ с. *Островѣ*—Сокольскаго уѣзда, въ м. *Цитовянахъ*, Россіенскаго уѣзда, въ с. *Тетеровкѣ* — Гродненскаго уѣзда, въ с. *Миронимѣ* Слонимскаго уѣзда и въ с. *Григоровичахъ*—Дисненскаго уѣзда; *вторыхъ псаломщиковъ*: Пружанахъ при Соборной церкви, при сельскихъ церквахъ: Гродненской губерніи: Мокренской, Пружанскаго уѣзда, Щаранской, Деречинской и Дятловской—Слонимскаго уѣзда, Лашанской, Гродненскаго уѣзда и Клениковской, Бѣльскаго уѣзда.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

Рѣчь, сказанная 4 апрѣля при совершеніи литургіи въ Гродненскомъ храмѣ св. благовѣрнаго, великаго князя Александра Невскаго, созданномъ, по случаю спасенія жизни Государя Императора отъ угрожавшей опасности, усердіемъ мѣстныхъ жителей.

Возлюбленные бр.! Съ сердечною радостію и глубокою благодарностію Богу совершилъ я сейчасъ божественную службу съ приношеніемъ безкровной, благодарной жертвы

Царю царей за сохраненіе жизни, здравія и благоденствія возлюбленнаго нашего Государя Императора. Дѣлюсь съ вами моею радостію и благодарностію Богу въ полной надеждѣ, что вы раздѣлите мои чувства.

1) Я радовался и благодарилъ Бога за то, что Онъ сподобилъ меня совершить молитву въ храмѣ, посвященномъ св. благовѣрному, великому князю Александру Невскому.

Вамъ извѣстно изъ исторіи жизни этого великаго угодника Божія, что онъ своимъ мудрымъ правленіемъ и побѣдами надъ внѣшними врагами въ печальное время татарскаго ига надъ Россіею содѣйствовалъ возвышенію великаго князя Московскаго и сдѣлался однимъ изъ князей—собирателей русской земли, раздробленной на отдѣльныя княженія и обреченной на порабощенія иноземнымъ народамъ.

Молясь въ храмѣ, посвященномъ этому вождю русской народной жизни, нельзя не питать отрадной увѣренности, что онъ и съ высоты небесной, по данной ему отъ Бога благодати, покровительствуетъ всему въ любезномъ ему земномъ отечествѣ, что онъ защищалъ и охранялъ въ немъ при жизни:—свободѣ Россіи отъ внѣшнихъ враговъ, гражданскому ея благоустройству и чистотѣ ея народной вѣры и жизни. Какъ не радоваться и не благодарить Бога за то, что Онъ удостоилъ вознести молитву небесному покровителю Россіи объ ея благоденствіи?

Извѣстно также вамъ, бр., что св. благовѣрный князь Александръ Невскій есть Ангелъ-Хранитель нашего Государя изъ лика праведныхъ людей, которому онъ врученъ церковію Христовою со дня его крещенія. И вы знаете, какъ могущественно было это небесное покровительство благовѣрнаго князя, Александра Невскаго и для личной жизни и здоровья Государя Императора нашего, пять разъ чудесно спасеннаго отъ угрожавшей *Ему опасности*, и какъ благотворно было оно для великихъ дѣлъ *Его царствованія*. У всѣхъ у васъ еще живы воспоминанія о тѣхъ восторженныхъ чувствахъ, которыми объята была вся Россія, какъ одно великое семейство, по случаю только-что совершившагося 25-ти лѣтняго царствованія Государя Императора Александра Николаевича. Вы помните, какъ всѣ сословія, цѣлыя области, города и учрежденія, отдѣльныя лица, даже дѣти соперничали въ выраженіи своихъ сыновнихъ вѣрноподданническихъ чувствъ благодарности за дарованныя Государемъ всѣмъ имъ благодѣянія. Всѣ они испытывали великія затрудненія въ исчисленіи многочисленныхъ благодѣяній и въ достойномъ выраженіи своихъ чувствъ не только на словахъ, но и въ пожертвованіяхъ и учрежденіяхъ, желая увѣковѣчить свои благодарныя чувства Монарху для отдаленнаго потомства. Какъ же не радоваться, молясь великому небесному покровителю нашего Государя св. Александру Невскому и не благодарить Бога за дарованныя намъ благодѣянія Государемъ, при небесномъ покровительствѣ Ему явленномъ?

2) Я радовался и благодарилъ Бога за совершеніе молитвы въ храмѣ, устроенномъ по случаю чудеснаго спасенія Государя отъ угрожавшей опасности. Въ этомъ построеніи храма Божія выразилась живая увѣренность создателей храма, что судьба нашего Государя и Россіи находятся подъ покровительствомъ Божественнаго Промысла. И какъ отрадно народному чувству успокоиваться на такой твердой опорѣ въ своей исторической, общественной жизни! Радостно видѣть и выраженіе благодатныхъ чувствъ Богу за Его промыслъ о Государѣ и Россіи построеніемъ храма Божія.

3) Я радовался и благодарилъ Бога за то, что молился въ храмѣ, созданномъ усердіемъ мѣстныхъ жителей въ благодарность за спасеніе Государя отъ угрожавшей опасности. Въ этихъ пожертвованіяхъ и въ самомъ устройствѣ храма Божія трогательно высказывается и чувство благодарности къ Богу за сохраненіе драгоцѣнной жизни Государя и чувство любви къ нему. Эти добрыя чувства выразились не одинъ разъ, но и были увѣковѣчены: пока стоитъ этотъ храмъ, въ немъ будутъ возноситься молитвы и святѣйшая жертва о сохраненіи народнаго сокровища и народной святыни—жизни Государя. Искренняя любовь къ нему пожелала въ особомъ храмѣ вручать Его жизнь небесному покровителю св. князю Александру Невскому.

Въ такомъ выраженіи народныхъ чувствъ трогательно повторился и на окраинахъ Россіи давній обычай нашихъ предковъ выражать благодарность Богу за благодѣянія построеніемъ храмовъ Божіихъ.

4) Наконецъ, я радовался и благодарилъ Бога за многочисленное собраніе ваше, возл. бр., въ храмѣ и въ день, посвященные воспоминанію благодѣянія Божія въ сохраненіи драгоцѣнной жизни Государя Императора. Это собраніе наше и наши молитвы говорятъ о нашей любви къ Государю и покорности поставленнымъ отъ него законамъ и властямъ, и говорятъ не только передъ собравшимися здѣсь и отсутствующими нашими соотечественниками; но свидѣтельствуютъ о томъ и предъ очами всевидящаго Бога. А со стороны облеченныхъ властію это собраніе ихъ есть всенародное свидѣтельство предъ Богомъ объ ихъ вѣрной и добросовѣстной службѣ Государю и благу Россіи.

Не правда ли? возлюбленные бр.! Подъ вліяніемъ такихъ мыслей и чувствъ мы можемъ смѣло сказать: не сокрушимо крѣпки, долговѣчны общества, когда они могутъ радоваться тому, чему мы сегодня радуемся и по праздничному чтимъ. Члены такихъ обществъ одушевляются твердою вѣрою въ небесный Промыслъ, охраняющій ихъ жизнь и верховнаго вождя ея Государя; они неразрывно связуются сердечною любовію къ верховной власти, добросовѣстнымъ исполненіемъ ея законовъ и подчиненіемъ установленнымъ отъ нея властямъ, какъ бы предъ очами Божіими. И скажемъ еще: дивно хороши и наиболѣе счастливы человѣческія общества, когда они бываютъ такими добрыми христіанскими обществами! Аминь.

— Въ книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ за мартъ и апрѣль помѣщена рѣчь достоуважаемаго профессора М. О. Кояловича, читанная на годичномъ актѣ СПБ. дух. академіи 17 февраля сего года. Рѣчь эта—цѣлый ученый трактатъ—возбуждаетъ особый интересъ въ читателѣ. Она изображаетъ **три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во время самозванческихъ смутъ.** Освѣщая яркимъ свѣтомъ эти событія, авторъ въ концѣ рѣчи дѣлаетъ изъ воспоминаній о прошломъ нѣкоторые выводы, имѣющіе жизненное отношеніе къ современнымъ болѣзненнымъ явленіямъ въ нашемъ государственномъ строѣ.

Съ краткимъ изложеніемъ содержанія этой рѣчи, читатели уже отчасти знакомы (см. № 11); но это не должно препятствовать намъ ближе познакомиться съ нѣкоторыми отдѣлами этой замѣчательной рѣчи.—Дѣлая очеркъ состоянія русской государственности досамозванческихъ смутъ и указывая на участіе поляковъ и іезуитовъ въ этихъ смутахъ, авторъ говоритъ:

Самозванческая смута не была лишь случайною смутою изъ-за того, что у насъ тогда нарушился естественный по-

рядокъ престолонаслѣдія и что у нѣкоторыхъ русскихъ и у нашихъ тогдашнихъ сосѣдей—поляковъ явилось корыстное желаніе помогать искателямъ приключеній самозванцамъ въ ихъ замыслахъ губить нелюбимыхъ въ Россіи царей—Годунова, Шуйскаго. Нѣтъ! Наша самозванческая смута была глубокимъ, внутреннимъ потрясеніемъ русскаго строя жизни, колебавшимъ всѣ его основы, и, кромѣ того, это была самая систематическая интрига иноземцевъ, злоумышлявшихъ на пагубу Россіи съ поразительною дальновидностью и поразительнымъ знаніемъ нашихъ слабыхъ сторонъ.

Чтобы уяснить эти слабыя стороны, которыя давали пищу самозванческой смутѣ и иноземной интригѣ, я въ самыхъ короткихъ словахъ очерчу состояніе русской государственности до начала самозванческой смуты.

По мѣрѣ того, какъ выростало могущество Московскаго княжества; по мѣрѣ того, какъ оно стягивало къ себѣ всѣ области Россіи,—бывшія удѣльныя княжества и вѣчевыя общины, около престола Московскихъ великихъ князей, а потомъ царей накоплялось больше и больше людей,—бывшихъ удѣльныхъ князей, бывшихъ дружинниковъ и бывшихъ представителей вѣча. Эти люди, ставъ около престола Московскихъ государей, естественно желали имѣть дѣло, и прежде всего дѣло старое, привычное имъ,—участіе въ княжескомъ, потомъ царскомъ, совѣтѣ, думѣ. Дума Московскихъ кнезей увеличивалась и естественно усиливалась. Московскіе князья покорялись до извѣстной степени этому настроенію окружавшихъ ихъ людей, терпѣли думу; но Московское единодержавіе развивалось по совершенно другому основному началу, которое должно было ниспровергать всякія поползновенія думы на большую силу, самостоятельность.

Московскимъ государямъ,—людямъ большею частью весьма практическимъ и иногда подрядъ замѣчательно даровитымъ, созидавшимъ притомъ единеніе Россіи съ великимъ трудомъ и среди великихъ опасностей, нужны были прежде всего исполнители княжеской, потомъ царской воли,—нужны были служилые люди,—военные и гражданскіе,—и въ эту службу должны были всѣ поступать и считать ее главнѣйшимъ своимъ дѣломъ. Служилое сословіе, состоявшее въ большинствѣ изъ людей средней руки, сдѣлалось предметомъ особенной заботливости Московскихъ государей. При Іоаннѣ III-мъ они получили значительную прочность посредствомъ усилившейся раздачи имъ помѣстій. Эта мѣра не могла нравиться ни вотчинникамъ боярамъ, ни сельскому народонаселенію, такъ какъ помѣстная система развивалась, между прочимъ, на счетъ конфискованныхъ вотчинъ опальныхъ бояръ и на счетъ черныхъ волостей. Притомъ, бояре, особенно бывшіе удѣльные князья, съ усиленіемъ служилыхъ средней руки лишались возможности развивать подлѣ себя, по старому обычаю, учрежденіе младшихъ дружинниковъ, а народъ, кромѣ ослабленія самобытности сельскаго міра черезъ выдѣленіе изъ него населенныхъ мѣстъ для служилыхъ, долженъ былъ почувствовать тягость новыхъ помѣщиковъ, какъ людей мелкопомѣстныхъ и не всегда постоянныхъ владѣльцевъ. Бѣгство народа съ мѣста на мѣсто и особенно на окраины Россіи и бѣгство въ холопство къ сильнымъ людямъ стали вскорѣ выдающимися явленіями, нашедшими себѣ сдержку въ законодательствѣ. При Іоаннѣ IV сдѣлана была попытка объединить всѣ, разрозненныя сословными интересами, силы русскаго народа, и открыть имъ путь къ совмѣстному участію въ государственной жизни Россіи. Сознана идея земства, значеніе собранія въ важныхъ случаяхъ выборныхъ, и созывались земскіе соборы. Попытка эта сразу привилась и такъ была сродна русской жизни, что удержалась, если не всегда въ сущности, то въ своей формѣ даже до Петра. Но Іоаннъ IV не такой былъ человѣкъ, чтобы выносить нравственную силу земства. Онъ съ первыхъ шаговъ своей самостоятельной дѣятельности поставилъ себѣ странную задачу своей внутренней политики,—разъединять верхніе и нижніе слои народа и возбуждать между ними дурныя чувства. Онъ всенародно, передъ лицемъ впервые собравшихся представителей земства обвинилъ огуломъ все боярство въ беззаконіяхъ и призвалъ всѣхъ обиженныхъ, угнетенныхъ искать въ немъ лично защиты, отмщенія [1]). И это не было безразсудствомъ пылкой юности. Такимъ Іоаннъ и остался. Мало того. Если вѣрить свидѣтельству Курбскаго, Іоаннъ пришелъ къ мысли, что не надобно держать подлѣ себя умнѣе его людей,—т. е. онъ отвергалъ въ основѣ всякій смыслъ земскихъ соборовъ, царской думы. Старое начало Московскаго единодержавія касательно служилыхъ людей нашло въ немъ страстнаго послѣдователя. Устройство служилаго сословія вызывало въ немъ лихорадочную заботливость. Онъ организовалъ и усилилъ раздачу помѣстій, смѣшивалъ безцеремонно съ помѣстьями вотчины и, задавшись мыслію выработать изъ служилыхъ людей самыхъ покорныхъ и вѣрныхъ слугъ, развилъ эту мысль съ такою неумолимою, необузданной логичностью, на какую въ дѣлахъ жизни способенъ лишь съумасшедшій человѣкъ,—онъ явно заимствовалъ у Турокъ учрежденіе янычаръ, устроилъ опричину, которую противопоставилъ не однимъ боярамъ, а всему земству, всему народу и даже съ особенною заботливостью опустошалъ цѣлыя области, въ которыхъ были болѣе живучи преданія, дававшія силу земству.

Совершенно естественно случилось, что когда Борисъ Годуновъ пролагалъ себѣ путь къ царскому вѣнцу, къ которому не былъ призванъ ни рожденіемъ, ни народною любовью, то, подобно всѣмъ людямъ такого положенія, онъ заботился привлечь къ себѣ готовую силу въ Россіи—служилое сословіе, осыпалъ его милостями и, чтобы дать ему еще болѣе крѣпкую силу, закрѣпостилъ въ его именно пользу крестьянъ. Мѣра эта тогда была естественна; но въ ней сказалась весьма недальновидная политика. Закрѣпощеніе давало, конечно, неоспоримую практическую выгоду служилому сословію и государству; но рядомъ съ тѣмъ оно производило зло для государства, гораздо больше вышеуказанной выгоды. Оно поселяло въ народѣ неудовольствіе къ служилому сословію и въ ближайшемъ будущемъ приготовляло дѣйствительныя выгоды не столько служилому сословію, сколько боярству, богатымъ вотчинникамъ. Самая даже прочность служилаго сословія могла существовать лишь при крѣпости правительства,—раздававшаго помѣстья. Разъ это правительство поколебалось, разъ явилась возможность получать помѣстья помимо его, и служилое сословіе оказывалось самымъ опаснымъ элементомъ. Вотъ состояніе русской государственности къ началу самозванческихъ смутъ,—боярство раздраженное униженіемъ, мечтавшее объ особенныхъ своихъ правахъ; народъ раздраженный крѣпостнымъ состояніемъ, выдѣлившій притомъ къ тому времени изъ среды себя многихъ бѣглецовъ въ казачество, т. е. образовавшій военную силу, готовую стать на его сторону; наконецъ,—служилое сословіе между этими крайностями, большею частью враждебное имъ обѣимъ и способное пристать ко всякому новому правительству, лишьбы оно раздавало помѣстья.

[1]) Это было въ 1550 г. Собр. госуд. грам. т. 2, № 37.

Наши тогдашніе ближайшіе сосѣди—поляки, прекрасно понимали эти болѣзни русской жизни и пользовались ими съ поразительнымъ умѣніемъ.

Давніе, неумолимые крѣпостники для своего польскаго народа, всегдашніе историческіе крѣпостники для всего русскаго народа Западной Россіи, Холмской области и Галиціи, они по дѣламъ своего Днѣпровскаго казачества, образовавшагося большею частью изъ бѣглецовъ отъ благъ польской цивилизаціи, прекрасно знали, какъ страшна эта сила для болѣзненнаго государства, въ которомъ образовалась [2]). Они знали также, сколько опасныхъ элементовъ заключается въ русскомъ Донскомъ казачествѣ и не могли не имѣть подробныхъ свѣдѣній о томъ грозномъ скопищѣ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, которое подъ начальствомъ Хлопки вышло изъ Сѣверщины и вело упорную битву съ войскомъ Годунова подъ самой Москвой въ 1603 г. [3]). Собрать и двинуть противъ Русскаго правительства эту опасную силу казацкую, распалять вражду низшихъ слоевъ русскаго общества противъ высшихъ, возбуждая въ то же время въ служиломъ сословіи надежду лучше устроить себя, а въ высшихъ русскихъ слояхъ аристократическія стремленія,—было главнѣйшею задачей нашихъ сосѣдей поляковъ во всю самозванческую смуту. Разумѣется такой позорной задачи старались не записывать или принимали мѣры, чтобы она не дошла до потомства, какъ по всей вѣроятности не записываютъ подобной задачи и въ настоящее время дѣйствительные руководители смуты нашихъ дней; но сохранились и для потомства нѣкоторые отрывки этого адскаго плана и, главное, сохранились неоспоримыя указанія на дѣйствительную связь и смыслъ событій того времени, и я беру смѣлость предполагать, что каждый новый пересмотръ извѣстныхъ уже памятниковъ *и вновь издаваемыхъ* будетъ болѣе и болѣе подтверждать и разъяснять этотъ планъ. Впрочемъ, мы должны здѣсь сдѣлать одну оговорку, требуемую исторической правдой. Сила зла этого плана и сказавшаяся въ немъ сила извращеннаго ума такъ велики, что превосходятъ всякую польскую испорченность и всякое польское лукавство того времени, и еслибы мы даже не знали, что въ Польшѣ тогда всѣмъ заправляли іезуиты, что они давно злоумышляли противъ русскихъ и что они близки были къ первому самозванцу, а знали бы лишь что іезуиты существовали тогда въ Польшѣ, то и въ такомъ случаѣ мы должны были бы предположить, что этотъ адскій планъ могъ быть дѣломъ только этихъ ужасныхъ людей; большая же часть поляковъ, какъ и наши бояре и другіе русскіе того времени, были только слѣпыми орудіями въ опытныхъ на зло рукахъ іезуитовъ.

При первомъ самозванцѣ этотъ планъ не ясно еще сказался. Онъ затемняется не только сложностію шумныхъ, неожиданныхъ, повидимому, событій, но и тѣмъ еще, что первый самозванецъ представляетъ въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ двойственность [4]). Онъ проводитъ явно польскія воззрѣнія, каковы: предубѣжденіе его противъ всего русскаго строя, стараніе его образовать изъ русской думы сенатъ, раскрыть двери Россіи всѣмъ для въѣзда и выѣзда, его мечты воевать съ турками,—почти буквально тѣ же, какія развивались незадолго передъ тѣмъ на польскихъ сеймахъ. Но рядомъ съ этимъ, въ самозванцѣ виденъ и питомецъ дурныхъ низшихъ слоевъ—казачества. Отсюда его, давно уже подмѣченныя, особенности: пренебреженіе къ царскому этикету, страсть быть среди толпы, на конѣ, разнузданность въ жизни. Извѣстно, что онъ и выдвинутъ на русскій престолъ собственно Днѣпровскими и Донскими казаками и что казаки и низшій слой народа больше всего радѣли объ его безопасности. Извѣстно также, что ко времени его смерти, къ нему стремился по Волгѣ мнимый его родственникъ, Петръ (Илейка), съ шайкой самыхъ ожесточенныхъ враговъ всего, что было выше крестьянина, которые на возвратномъ пути неистовствовали у Казани и произвели не малое волненіе въ средѣ простаго народа и инородцевъ, разразившееся вскорѣ возстаніемъ у Нижняго и въ Астрахани [5]).

Эти факты даютъ право сказать, что польскіе аристократы и русскіе бояре, а сзади ихъ ужасные люди латинской Европы—іезуиты дѣйствительно выдвинули перваго самозванца въ положеніе вождя недовольныхъ своимъ положеніемъ низшихъ слоевъ русскаго народа.

Но это было лишь предвѣстіемъ начавшейся борьбы между простымъ народомъ и интеллигенціей того времени. Борьба эта обнаружилась съ неистовою силою съ самаго вступленія

[2]) Въ концѣ XVI столѣтія и въ началѣ XVII-го, казаки производили почти непрерывныя смуты въ Польскомъ государствѣ. Арх. Югозап. Рос. часть 3, т. 1, №№ XXI—XXX, XXXVIII; Акты Южн. и Зап. Рос. т. 1, № 217.

[3]) Русское правительство, безъ сомнѣнія, не безъ основанія допрашивало Юрія Мнишка, послѣ смерти перваго самозванца, зачѣмъ онъ, когда самозванецъ былъ у него въ Самборѣ, посылалъ за Днѣпровскими и Донскими казаками (Собр. госуд. гр. т. 2, № 139, стр. 296, 2 и № 152, стр. 323, 1). Сознаніе важности сношній этого самозванца съ казаками обнаружилъ и Польскій король Сигизмундъ въ письмѣ къ Жолкевскому отъ 16 февр. (по нов. ст.) 1604 г. (Зап. Жолкевск. Прилож. № 2). Не безъ основанія, наконецъ, русское правительство допрашивало ближайшихъ лицъ самозванца Бучинскихъ о тайныхъ бесѣдахъ его съ Константиномъ Вишневецкимъ, предметомъ которыхъ было, между прочимъ, истребленіе русскихъ бояръ (Собр. госуд. гр. т. 2, № 140). Въ дневникѣ осады Смоленска есть двѣ драгоцѣнныя въ этомъ отношеніи обмолвки автора поляка. 1) Подъ 19 ч. ноября 1609 г. онъ говоритъ, что г. Чарлинскій, подойдя къ крѣпости, порусски убѣждалъ народъ и стрѣльцовъ сдаться королю, который можетъ не только возвратить имъ ихъ имущество, но и подѣлать ихъ боярами и раздѣлить между ними боярскія волости, пусть только не даютъ вести ихъ такъ упорно къ погибели, и убѣждалъ, чтобы они кинулись на воеводу Шеина. Русск. Ист. библіот. т. 1, стр. 485—6. Подъ 12 ч. декабря 1610 г. описывается, что къ тому же убѣждалъ Смольнянъ, по порученію *польскихъ сенаторовъ*, одинъ изъ русскихъ бояръ, сдавшихся королю. Тамъ же, стр. 704—5.

[4]) Двойственность эта естественно возникла въ немъ вслѣдствіе смѣшенія разнородныхъ началъ, положенныхъ въ основу его самозванческаго воспитанія главными его руководителями. Домъ Вишневецкихъ, имѣвшій тогда еще не мало преданій казацкихъ, знакомилъ самозванца съ бытомъ этихъ людей. Великій развратникъ и ханжа Юрій Мнишекъ вводилъ его въ кругъ польскихъ и іезуитскихъ воззрѣній. Вдали отъ этихъ руководителей, но, въ дѣйствительности, ближе къ самозванцу стоялъ замѣчательный по уму канцлеръ Левъ Сапѣга,—участникъ въ военныхъ успѣхахъ и думѣ Баторія, замышлявшаго покорить Польшѣ всю Россію посредствомъ военнаго оружія и духовнаго оружія іезуитовъ. Сами поляки обвиняли Сапѣгу въ томъ, что онъ выдвинулъ перваго самозванца. Участіе іезуитовъ до сихъ поръ не разъяснено. По ихъ собственнымъ показаніямъ, они вызваны были на знакомство и сближеніе съ самозванцемъ другими—священникомъ Мнишка Помаскимъ, Краковскимъ воеводой Зебжидовскимъ и самимъ самозванцемъ (Записки Жолкевскаго, прил. № 44, стр. 123—130). Де-Ту, имѣвшій не мало вѣрныхъ свѣдѣній о нашей самосозванческой смутѣ, говоритъ, что самозванецъ открылся сперва (т. е. прежде всего) іезуитамъ, и что они сначала хранили въ глубочайшей тайнѣ его обѣщанія касательно латинства (Сказ. о Сам. т. 1, стр. 329—30).

[5]) Никон. Лѣт. т. VIII, стр. 85—6, 81—2; показаніе Илейки-Лже-Петра, Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 81.

на престолъ Василія Шуйскаго. Въ это время ясно обозначилось раздѣленіе русскаго народонаселенія на двѣ части. На одной сторонѣ стояли бояре, служилые и торговые люди, и во главѣ ихъ новоизбранный царь Василій Шуйскій, принявшій ограничительныя условія въ ихъ пользу,—признавшій боярскую думу, какъ самостоятельное учрежденіе, безъ которой онъ не могъ никого изъ этихъ сословій казнить [6]); на другой сторонѣ стояли во главѣ казаковъ и бѣглыхъ холоповъ упомянутый выше Лже-Петръ и присланный къ нему вскорѣ изъ Польши Болотниковъ, выработавшій долговременнымъ рабствомъ въ Россіи и Турціи ненависть къ господствующимъ классамъ народа. Они объявили войну всему боярству, всему служилому сословію, безпощадно истребляли ихъ во всей южной половинѣ Русскаго государства, кромѣ Рязанской области, приблизились къ Москвѣ и производили уже броженіе и здѣсь въ низшей средѣ [7]). Борьба Шуйскаго съ этими ужасными людьми представляетъ длинный рядъ неудачъ, пораженій, не смотря на то, что при этомъ всѣ сословные интересы служилыхъ заставляли ихъ стоять за Шуйскаго [8]). Насилу ему удалось отразить мятежниковъ отъ Москвы и, только благодаря счастливой догадливости боярскаго сына Кравкова, предложившаго затопить Тулу, Шуйскому удалось овладѣть здѣсь скопищемъ воровъ и въ числѣ ихъ Лже-Петромъ и Болотниковымъ. Но это не нанесло дѣйствительнаго пораженія поднявшемуся движенію. Оно было поддержано извѣстіями, что спасшійся будто бы изъ Москвы царь Димитрій идетъ снова доставать престолъ. Его долго розыскивали въ Украйнѣ; но онъ не являлся, пока Лже-Петръ и Болотниковъ были сильны; а какъ только они сдались Шуйскому, такъ и явился этотъ давно отыскиваемый царь Димитрій Ивановичъ, и его сейчасъ-же окружили многочисленныя толпы поляковъ [9]).

Главнѣйшій представитель этого польскаго скопища—гетманъ новаго самозванца Рожинскій въ посланіи къ русскимъ торжественно отрекался за всѣхъ поляковъ отъ участія въ дѣлахъ Лже-Петра и Болотникова [10]). Но исторія обличила эту ложь. Болотниковъ—союзникъ и, можно сказать, руководитель Лже-Петра былъ присланъ изъ Самбора, гнѣзда, въ которомъ оперился первый самозванецъ; тамъ онъ и наученъ вѣрить и распространять, что царь Димитрій живъ. Извѣстія, что второй самозванецъ изъ званія бѣднаго бѣлорусскаго учителя неожиданно, даже противъ собственной воли и помимо поляковъ, попалъ въ положеніе царя, будто бы вторично спасшагося отъ смерти, мало заслуживаютъ вѣры. Болѣе трезвымъ нужно признать мнѣніе лучшихъ восточно-русскихъ памятниковъ, что происхожденіе этого загадочнаго человѣка неизвѣстно [11]), и еще большаго вниманія заслуживаютъ извѣстія, что какъ только объявился этотъ загадочный самозванецъ, такъ его сейчасъ-же окружили поляки, латинскіе ксендзы, выбивались изъ силъ, чтобы убѣдить всѣхъ, что это истинный царь Димитрій, руководили имъ и даже составили ему программу подготовлять постепенно въ Россіи господство польскихъ людей и латинской церкви.

Въ Тушинѣ гдѣ засѣлъ самозванецъ между тѣмъ образовалось необычайное правительство, съ особенностями, никогда невиданными въ Россіи. Здѣсь собрались представители многочисленныхъ народностей; были заправлявшіе всѣмъ поляки, были литвины, русскіе всѣхъ племенъ, нѣмцы, татары; были, по всей вѣроятности, и жиды. Всѣхъ ихъ объединяла жажда господствовать надъ Россіей и наслаждаться удовольствіями на ея счетъ [12]). Изобиліе съѣстныхъ припасовъ, изобиліе вина, шумные пиры изумляли современныхъ свидѣтелей [13]). И что особенно поразительно,—въ православной Россіи, на глазахъ большинства русскихъ совершалось въ Тушинѣ страшное глумленіе надъ священными православными предметами и духовными лицами [14]), и, что еще поразительнѣе, русскіе приверженцы Тушинскаго самозванца не только не возмущались этимъ, но, по свидѣтельству современниковъ, были покорными, даже самоотверженными слугами иноземцевъ [15]). Даже многихъ русскихъ женщинъ увлекъ

[6]) Запись Шуйскаго см. Собр. госуд. грам. т. 2, № 141, и (важный варіантъ о черныхъ людяхъ). Иное сказаніе о самозванцахъ. Врем. М. О. Ист. т. XVI, стр. 41—2. Поясненіе см. Лѣт. о мятеж. стр. 104—5; Ник. лѣт. т. 8, стр. 75—6; Новый лѣт. стр. 74—5.

[7]) Акт. Арх. Эксп. т. 2, стр. 129, столб. 1 и стр. 231, столб. 2; Собр. госуд. грам. т. 2, № 151, стр. 320—1; Никон. Лѣт. т. 8, стр. 80—2.

[8]) Никон. Лѣт. т. 8, стр. 83—89; Сказ. совр. о самозв. т. 1, стр. 79—83.

[9]) Это были большею частію бунтовщики Польскаго государства, оставшіеся безъ дѣла и безопаснаго пристанища послѣ пораженія, понесеннаго ими въ борьбѣ съ своимъ королемъ Сигизмундомъ. Польша сбыла въ Россію это скопище безпокойныхъ своихъ людей; но они оказались вѣрнымъ ея орудіемъ для пагубы Россіи.

[10]) Русск. историч. библіот. т. 2, № 39.

[11]) Замѣчательно мнѣніе, вышедшее изъ среды іезуитовъ, которые лучше другихъ могли знать дѣло, именно мнѣніе, что второй самозванецъ былъ крещеный еврей, бывшій писцомъ при первомъ самозванцѣ и бѣжавшій изъ Москвы послѣ его убійства. Прилож. къ зап. гетмана Жолкевскаго (второе изд.) № 44, стр. 192. Любопытно, подкрѣпляющее это мнѣніе, извѣстіе, передаваемое авторомъ польскаго дневника осады Смоленска, что послѣ бѣгства изъ Тушина второго самозванца, нашли (очевидно,—въ его комнатахъ) талмудъ (po którym snadz y Talmut znaleziono). Русск. ист. библ. т. 1, стр. 527. Замѣчательны также нѣкоторыя особенности титула, усвоеннаго этимъ самозванцемъ, обличающія еврейскія воззрѣнія, —Мы, Димитрій Ивановичъ, царь и государь всея Россіи, Богомъ избранный и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый, Богомъ помазанный и возвышенный надъ всѣми прочими царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божіею, единый царь христіанскій въ подсолнечной....... Буссовъ—Бэръ. Сказан. соврем. о самозв. т. 1, стр. 105—6. Такой титулъ есть дѣйствительно въ грамотахъ втораго самозванца. См. Акт. Историч. т. 2, № 111; Сборникъ князя Оболенскаго № 9. Москва 1838 г.

[12]) Въ дополненіе къ давно извѣстнымъ даннымъ, недавно издано богатое въ этомъ отношеніи собраніе матеріаловъ въ сборникѣ кн. Хилкова (Спб. 1879). Изъ этихъ матеріаловъ, между прочимъ, видно, что Янъ Сапѣга очень любилъ предметы роскоши и пріятнаго препровожденія времени, какъ напр. хорошую рыбу, вино, охотничьихъ собакъ, и что богатая Вологда, торговавшая и заграничными предметами, была лакомымъ для Поляковъ мѣстомъ, къ которому они страстно добирались. Сб. кн. Хилкова, № 12, письма: I, II, VI, XX, XXVII, XXXI, XXXIV, XXXV и XII.

[13]) Сказан. совр. о самозв. т. 1, стр. 102. Добыча была несмѣтная, говорится въ т. наз. лѣт. Бэра; и въ Тушинѣ и въ Троицкомъ лагерѣ войско плавало въ изобиліи: нельзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ, всякаго рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки неуспѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ и производившихъ столь ужасный смрадъ, что уже опасались моровою повѣтрія. Польскіе солдаты готовили для себя кушанья ежедневно изъ наилучшихъ припасовъ, а пива такъ много забрали у крестьянъ и монаховъ, что его некуда было дѣвать; пили только медъ.

[14]) Палиц. стр. 46, 47, 54.

[15]) Палиц., стр. 37—40.

этотъ неистовый разгулъ дикихъ страстей, и онѣ наполняли Тушинскій таборъ [16]). Руководители всѣхъ въ этомъ неистовомъ разгулѣ—поляки дошли до невѣроятнаго опьяненія. Они смѣло высказывали, что служатъ хорошую службу въ честь и славу польскому имени. Они даже полагали, что пріобрѣтаютъ въ Россіи всемірную славу. Въ одномъ коллективномъ заявленіи своему королю они писали: „если посмотримъ на славу нашего народа, громко, какъ бы съ горы, провозглашенную всему свѣту, то она не только ни въ чемъ не повреждена нами, но напротивъ, при Божьей помощи, при счастіи вашего величества и нашей предпріимчивости, черезъ разныя битвы, счастливо нами выигранныя, пріобрѣла въ мірѣ безсмертіе, такъ-что, гдѣ прежде о ней мало кто слышалъ, тамъ теперь она хорошо извѣстна и знакома; предѣлы ея извѣстности упираются даже въ ледовитыя моря" [17]). Даже нѣкоторые русскіе современные историческіе свидѣтели, какъ Авраамій Палицинъ, введены были въ заблужденіе обманчивыми признаками внѣшней цивилизаціи поляковъ и хвалятъ ихъ добрыя качества, рѣзко выдававшіяся при сравненіи съ крайнею испорченностью русскихъ воровъ [18]). Свидѣтели эти, очевидно, не понимали, что русскіе воры были невзрачными чернорабочими иноземныхъ художниковъ высшей школы въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Но тѣ русскіе люди, которые ближе знали поляковъ, были подъ ихъ властью, и въ числѣ ихъ даже нѣкоторые Тушинцы, совершенно иначе на нихъ смотрѣли, и исторія не можетъ не признать правды на ихъ сторонѣ [19]).

Многонародный союзъ собравшихся въ Тушинѣ русскихъ и иноплеменниковъ, беззавѣтная, ничѣмъ не стѣснявшаяся дружба людей всѣхъ званій и состояній были въ дѣйствительности гнуснѣйшимъ обманомъ и злодѣяніемъ. Отдаленная, таинственная рука, *по всей вѣроятности* іезуитская, направляла этотъ союзъ и эту дружбу къ весьма практическимъ иноземнымъ цѣлямъ и пользовалась для этого всѣми дурными качествами испорченной человѣческой природы.

Утвердившись въ Тушинѣ, руководители самозванца очень хорошо поняли, что теперь ихъ сила (вовсе не въ „преже-погибшей Сѣверщинѣ", не въ казацкой Украйнѣ, гдѣ притомъ опасно было затрогивать казацкіе инстинкты, даже не въ Москвѣ, а) въ сѣверной половинѣ Россіи—этомъ роднякѣ крѣпкой русской государственности и русскаго народнаго терпѣливаго труда и сбереженій. Коварнѣйшій изъ поляковъ Янъ Сапѣга засѣлъ у входа въ этотъ родникъ—у Троицко-Сергіевскаго монастыря (23 сент. 1608 г.). Другой полякъ, не столь хитрый въ политикѣ, но еще болѣе хитрый и неугомонный въ военныхъ дѣлахъ, Лисовскій пошелъ впередъ и покорялъ самозванцу сѣверныя отъ Москвы русскія области. Сапѣга сталъ настоящимъ правителемъ Россіи, къ которому всѣ обращались и которому усердно угождали [20]). Лисовскій былъ ужаснымъ и большею частью нежданнымъ посѣтителемъ мѣстностей, гдѣ только думали не признавать власти самозванца. Подъ главнымъ покровительствомъ этихъ людей шли въ сѣверную половину Россіи всякаго рода Тушинцы, разсѣевались по ней и принимались управлять. Сейчасъ же обозначалась вышеуказанная общая особенность, объединявшая всѣхъ этихъ людей,—это нажива русскимъ добромъ и наслажденіе удовольствіями, во что бы то ни стало, ничѣмъ не стѣсняясь. Паны польскіе, какъ люди высшей цивилизаціи, извлекали болѣе цѣнное добро, болѣе утонченныя удовольствія и съ большимъ умѣніемъ прикрывали свое хищничество благовидными предлогами,—грабили купцовъ подъ предлогомъ конфискація имуществъ приверженцевъ Шуйскаго [21]), захватывали дворцовыя имѣнія подъ тѣмъ же предлогомъ и, конечно, потому еще, что считали себя высшими государственными людьми новаго русскаго правительства [22]). Для болѣе грубыхъ дѣйствій существовали шайки Лисовскаго и особенно шайки пахоликовъ—низшей военной челяди, существовавшей при каждомъ панѣ въ числѣ, соразмѣрномъ его значенію. Эти шайки и эта челядь поворачивали все вверхъ дномъ, и возбуждали сильнѣйшія жалобы [23]). Съ польскими панами шли русскіе служилые люди, и какъ люди, менѣе образованные и менѣе привыкшіе къ утонченному лицемѣрію, притомъ какъ люди свои, имѣвшіе разные домашніе счеты съ тѣми, которыхъ покоряли самозванцу, стѣснялись менѣе и потому больше возбуждали жалобъ [24]). И польскіе паны, и русскіе служилые люди, не сдерживаемые никакою сколько-нибудь сильною центральною властію, не стѣснялись даже въ отношеніяхъ другъ друга, ссорились, вырывали другъ у друга попадавшуюся добычу [25]). По примѣру ихъ стали дѣйствовать и меньшіе люди. Образовались самостоятельныя, никого не хотѣвшія знать шайки русскихъ воровъ и пахоликовъ, и довершали разореніе и страданіе народа [26]). Особенно неистовствовала шайка пана Наливайки [27]).

Въ простотѣ первобытной русскіе страдальцы стали подавать жалобы Тушинскому самозванцу [28]); заговорило родное чувство въ нѣкоторыхъ Тушинскихъ служилыхъ людяхъ, и они присоединили свои жалобы [29]). Но это былъ вопль въ пустынѣ [30]). Русскій народъ сталъ бѣжать отъ всѣхъ

---

[16]) Тамъ же, стр. 40.
[17]) Русская историч. библ. т. 1, стр. 146.
[18]) Палиц., стр. 37—40.
[19]) Свидѣтельства этого рода увидимъ ниже.
[20]) См. выше примѣч. 12 на стр. 143 и цитат. изъ Сборн. кн. Хилкова.

[21]) Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 88, стр. 180; Сказан. совр. о самозв. т. 1, стр. 100; Сборн. кн. Хилкова, № 12. письма: VII и XXI.
[22]) Сборн. кн. Хилкова тамъ-же и № 18, стр. 88.
[23] Тамъ-же № 12, письмо XXX; Акты Историч. т. 2, № 195, стр. 226, столб. 2.
[24]) Палиц. стр. 38.
[25]) Сб. кн. Хилкова № 12, письма LI, XXX; Акт. Ист. т. 2, № 123, II, III, №№ 124, 125, 161. Паны наѣзжали и пустошили дворцовыя имѣнія своего царика, на что онъ самъ жаловался (Акт. Ист. т. 2, № 234) и даже грабили его гонцовъ (тамъ-же № 168).
[26]) См. примѣч. ниже—жалобы воеводъ Тушинскихъ.
[27]) Сб. кн. Хилкова № 12, письмо XVI; Русская истор. библ. т. 2, № 183, стр. 814.
[28]) Жалоба Тушинскому самозванцу крестьянъ изъ Переславскаго уѣзда (Дополн. къ Акт. Ист. т. 1, № 159) и цѣлой группы монастырей того же уѣзда (Сборн. кн. Хилкова № 12, письмо XVIII).
[29]) Напримѣръ: Ярославскій воевода, князь Борятинскій (Акт. Истор. т. 2, № 155), Владимірскій воевода Вельяминовъ (тамъ же № 185) и особенно часто и сильно жаловался Суздальскій воевода Тушинскаго самозванца Плещеевъ (тамъ-же № 161; Сборн. кн. Хилкова, № 12, письма: LXI, LXII). Въ одной жалобѣ Плещеевъ даже говоритъ, что противъ насилій «управы никоторые нѣтъ» (письмо LXI, Сб. кн. Хилкова). Защищая собственныя имѣнія, жаловался часто Касимовскій царь (Сб. кн. Хилкова № 12, письма: LVI, LVIII; Акт. Ист. т. 2, № 168). Даже польскіе паны вопіяли противъ наѣздовъ, какъ напр. Янъ Рѣчицкій (Сб. кн. Хилкова, № 12, письмо XXX).
[30]) Только Наливайко и нѣкоторые другіе воры, вѣроятно, его сообщники, поплатились за свои дѣла и то, по всему видно, благодаря тому, что пробудилась совѣсть у Тушинскаго воеводы Вельяминова. Сапѣга хвалитъ его за это, но

этихъ благодѣтелей въ лѣса, болота, пустыни, какъ во времена татарскихъ нашествій. „И премѣнишася тогда, говоритъ Авраамій Палицынъ, жилища человѣческая на звѣрская... медвѣди, волки, лисицы и зайцы приходили на мѣста человѣческихъ селеній... и крыяхуся тогда человѣци въ дебри непроходимыя и въ чащи темныхъ лѣсовъ и въ пещеры недовѣдомыя“ [31]).—Такимъ образомъ подобно Шуйскому, уединенному въ Москвѣ, и по областямъ лучшая часть народонаселенія была въ уединеніи по отношенію ко всей Россіи и даже въ пустынномъ уединеніи, со всѣми обычными его невзгодами, но нерѣдко постигали его и невзгоды необычайныя, никогда не слыханныя на Руси до того времени. Поляки, имѣвшіе на своей родинѣ обычай отыскивать бѣглыхъ крестьянъ не только черезъ людей, но и посредствомъ дрессированныхъ для этой цѣли собакъ, пускали такихъ собакъ для поисковъ и за этими русскими бѣглецами [32]), надежнѣйшими, какъ оказалось послѣ, носителями русской государственности.

Русская государственность тогда, повидимому, совершенно погибала и, казалось, немного еще нужно было нанести ей ударовъ, чтобы ея погибель стала совершившимся, не подлежащимъ никакому сомнѣнію фактомъ. 30 ноября 1608 г. Шуйскій въ одной грамотѣ, имѣвшей значеніе окружной, писалъ, что у Литвы, т. е. у Поляковъ, подлинно умышлено всѣхъ государевыхъ, т. е. служилыхъ людей, побити и въ полонъ поимати, и что они уже между собою росписали, кому какимъ городомъ владѣти [33]). Въ западной Россіи ходили тоже слухи объ этомъ планѣ съ подробностями, еще болѣе тревожными. Тамъ говорили, что у польскаго короля есть тайный планъ овладѣть Россіей и на мѣсто русскихъ шляхтовъ и купцовъ, выславъ ихъ хотябы въ Подолію, посадить польскихъ добрыхъ людей [34]). Это не были пустые страхи или ложные слухи. Русскій народъ видѣлъ осуществленіе этого плана на самомъ дѣлѣ, чувствовалъ его жестокія послѣдствія въ своей невыносимой жизни, и многіе до такой степени поражены были бѣдствіями и такъ извѣрились въ будущемъ, что сами искали себѣ смерти [35]).

Но русская государственность не погибла. Въ русскомъ народѣ сказались могучія силы, которыхъ не сломили не только эти бѣдствія, но не сломила даже двукратная (при Скопинѣ Шуйскомъ и Ляпуновѣ) неудача, когда онѣ поднялись на спасеніе этой государственности“.

Живыми красками почтенный ораторъ рисуетъ далѣе первый и второй подъемъ русскаго народнаго духа для спасенія государственности, безвременную гибель лучшихъ людей этого движенія Скопина Шуйскаго, Гермогена и Ляпунова, которые умѣли объединить для общаго дѣла лучшія русскія силы, и козни поляковъ пользовавшихся затруднительнымъ положеніемъ Россіи. Но останавливаться на этихъ событіяхъ мы не будемъ,—это вышло бы изъ предѣловъ нашей задачи. Мы остановимся на самомъ важномъ періодѣ этой государственной драмы, именно на значеніи св. Троицкой Сергіевой лавры въ смутное время и на третьемъ подъемѣ русскихъ силъ по призыву троицкихъ властей, подъ предводительствомъ Пожарскаго и Минина. Значеніе знаменитой лавры препод. Сергія М. О. Кояловичъ изображаетъ такъ:

„Великое служеніе родинѣ прежде другихъ стала совершать и призывать къ нему всѣхъ русскихъ людей знаменитая обитель преподобнаго Сергія—Троицко-Сергіевская лавра, вѣрная хранительница преданій своего основателя и его великаго служенія Россіи. Во времена страшныхъ беззаконій и злодѣяній, которыми часто сопровождались усиленіе и возвышеніе Москвы, эта обитель была ближайшимъ убѣжищемъ, гдѣ русскіе люди спасали свое христіанское и европейское званіе. Но въ этой обители жила несокрушимая вѣра въ будущность Москвы, Россіи, въ ихъ способность ожить, окрѣпнуть нравственно, и когда наставали времена этого нравственнаго оживленія, знаменитая обитель откликалась, благословляла и одушевляла русскихъ людей на великія дѣла. Эта вѣра въ Россію жила въ этой обители и во всѣ смутныя времена и дала ей возможность совершить невѣроятное и, повидимому, невозможное для иноковъ дѣло—отбиваться въ теченіе 16 мѣсяцевъ и отбиться отъ громадныхъ тушинскихъ полчищъ, и быть въ населенныхъ мѣстахъ Россіи единственною территоріею, неоскверненной ни самозванческой смутой, ни иноземнымъ обладаніемъ [36]). Но съ освобожденіемъ отъ осады не кончилось служеніе Троицко-Сергіевской лавры дѣлу спасенія русской государственности. Едва освободилась она отъ тушинскихъ полчищъ и готовилась встрѣтить своего освободителя Скопина-Шуйскаго, какъ царь Шуйскій потребовалъ и почти насильно взялъ послѣдніе остатки ея казны [37]). Власти троицкія вынесли эту неожиданную невзгоду, но не пали духомъ ни отъ нея, ни отъ новыхъ бѣдствій отечества, когда погибъ ихъ освободитель Скопинъ и возобладали поляки. Напротивъ, ихъ нравственная сила выростала по мѣрѣ усиленія бѣдствій Россіи. Когда сталъ невольно умолкать новый русскій исповѣдникъ—Гермогенъ, постепенно стѣсняемый поляками, и когда Ляпуновъ собиралъ и велъ къ Москвѣ русскія ополченія, Троицкія власти поняли величіе предстоявшей задачи, дали полное сочувствіе Ляпунову и чаще обращались къ Россіи съ призывными грамотами, убѣждая русскихъ людей идти на соединеніе съ московскимъ ополченіемъ [38]). Они не принимали

извѣстно, что Сапѣга получилъ замѣчаніе отъ самозванца за ходатайство о Наливайкѣ. Акт. Ист. т. 2, №№ 116, 129 и 130; Сб. кн. Хилкова, № 12, письмо XVI. Какой то Наливайко упоминается и въ повѣсти объ осадѣ Устюжны. Рус. ист. библ. т. 2, № 187, стр. 814.

[31]) Палиц. стр. 47—8. Что Тушинцы разгоняютъ народъ, говорится почти во всѣхъ жалобахъ на нихъ.

[32]) Палиц. стр. 48—49.

[33]) Собр. гос. гр. т. 2, № 165.

[34]) Акт. Эксп. т. 2, стр. 187.

[35]) Палиц. стр. 52—53.

[36]) Авраамій Палицынъ прекрасно изображаетъ значеніе для Москвы и для всей Россіи Троицко-Сергіевой лавры въ одномъ мѣстѣ своего сказанія, когда говоритъ о приходѣ къ Москвѣ втораго самозванца. Велика же тогда польза царствующему граду бысть отъ обители чудотворца Сергія, ради святыхъ его молитвъ. Иже бо къ морю на полунощь живущіи людіе на краехъ студенаго моря окіяна къ царствующему граду всякъ промыслъ возвѣщаютъ и способляютъ. Отъ Великаго бо Новаграда, и отъ Вологды, и по Двинѣ рѣцѣ до моря и на востокъ вся Сибирская земля и яже за нею вси способствоваху Москвѣ. Такоже и отъ Нижегородскія земли и отъ Казани вси безъизмѣнно служаще. И изъ тѣхъ всѣхъ, прежереченныхъ мѣстъ, егда кому нѣкуды минути, то вси ко обители чудотворца притекаху... и великъ промыслъ бываше отъ обители чудотворца всѣмъ людямъ къ Москвѣ правящимъ во всякихъ нуждахъ и въ провожденіяхъ воспріимаху... къ дому великаго чудотворца вся Россія, яко къ солнцу зряще и на его молитвы концы россійстіи надѣющеся, противу врагомъ крѣпляхуся. Стр. 65—66.

[37]) Авр. Палицынъ, стр. 225—6.

[38]) Въ то время, егда въ осадѣ Москва была полтора года, онъ (архим. Діонисій) непрестанно въ церкви Божіей и въ кельѣ съ великимъ плачемъ стояше въ молитвахъ.... ему-же быша писцы борзые, и въ келліи отъ божественныхъ писаній собираху учительная словеса, и писаша посланія многая въ смутные города ко священнымъ чинамъ и къ вос-

участія въ Московскомъ постановленіи, распредѣлявшемъ права и обезпеченія разныхъ слоевъ ополненія; но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что онѣ стояли выше всего этого дѣла. Ихъ не могло не привлекать объединеніе подъ Москвой всѣхъ слоевъ русскаго народа. Передъ ихъ духовными глазами всѣ эти люди разныхъ слоевъ стояли здѣсь теперь такъ же, какъ стояли во всѣ лучшія времена, выдвигая общими силами значеніе Москвы, какъ стояли всегда эти разнородныя силы въ ихъ храмахъ, передъ лицомъ Бога и у раки преподобнаго Сергія. Вотъ, гдѣ, по нашему мнѣнію, причина сердечнаго отношенія Троицкихъ властей къ дѣлу Ляпунова и ихъ поддержка даже Трубецкому. Ихъ вѣра въ Россію и въ нравственное объединеніе русскихъ людей, разъединенныхъ Московскимъ постановленіемъ и человѣческими страстями, была новымъ великимъ служеніемъ Россіи, и она, безъ сомнѣнія, больше всего сдерживала остатки московскаго ополченія отъ болѣе быстраго разложенія.

Но это было лишь началомъ, или, точнѣе сказать, частью этого новаго служенія. Когда Москва была разорена поляками, засѣвшими въ ней, и затѣмъ когда, послѣ смерти Ляпунова, надъ Москвой возобладали казаки, овладѣли главнѣйшими, подручными средствами продовольствія и стали совершать насилія, положеніе населенія выжженной Москвы и многихъ служилыхъ людей тѣмъ особенно было тяжело, что одинаково трудно было и оставаться подъ Москвой, и уходить куда нибудь на сторону или на родину. Страна кругомъ Москвы на далекое разстояніе была страшно разорена долговременной самозванческой смутой, и по ней, какъ звѣри, рыскали козаки, обиравшіе послѣднія крохи у попадавшихся имъ людей и неистово тиранившіе ихъ [39]). Страна эта оказалась теперь усѣянною не только трупами, но и полуживыми людьми, измученными, искалѣченными. Большая часть этихъ измученныхъ, искалѣченныхъ людей тащилась и ползла къ Троицкому монастырю. Троицкій монастырь оказался въ новой и еще въ болѣе странной осадѣ,—въ осадѣ отъ мучениковъ за дѣло родины, жаждавшихъ поддержки жизни и духовнаго подкрѣпленія, и ихъ оказалось такъ много, что властямъ Троицкимъ предсталъ со всею силою вопросъ: что дѣлать теперь, отказать этимъ несчастнымъ или принять ихъ, какихъ-бы средствъ и усилій ни стоила забота объ нихъ? Троицкія власти оказались на высотѣ своего призванія къ новой службѣ Россіи. Во главѣ ихъ стоялъ тогда Діонисій,—человѣкъ необыкновенной нравственной чистоты, воспитанный къ такому высокому служенію новымъ русскимъ исповѣдникомъ, патріархомъ Гермогеномъ, которымъ и былъ поставленъ въ настоятели Троицко-Сергіева монастыря. Троицкія власти рѣшились принести въ жертву всѣ свои матеріальныя средства и всѣ усилія, чтобы оживить этихъ несчастныхъ, кто могъ ожить. Кормили, лѣчили ихъ, и кто оставался живъ, давали возможность возвращаться на родину [40]).

Этимъ великимъ дѣломъ Троицкій монастырь становился еще выше въ глазахъ русскихъ людей всѣхъ званій и всѣхъ мѣстностей, но въ особенности онъ пріобрѣталъ могущественное вліяніе на служилое сословіе. Троицкія власти могли теперь говорить имъ съ большею, чѣмъ когда либо авторитетностью, и, дѣйствительно, теперь это авторитетное слово чаще и чаще обращалось къ русскимъ людямъ—съ призывомъ идти спасать Москву и родину [41]). Вотъ, одинъ могущественный починъ. Кромѣ этого почина, дѣйствовавшаго на русскихъ болѣе съ нравственной стороны, явилась могущественная въ практической жизни поддержка служилому сословію съ другой стороны, со стороны торговыхъ людей [42]).

водамъ и къ простымъ людямъ о братолюбіи и соединеніи мира (міра?), указующе, которые царства и властительства за какіе грѣхи и неправды погибли, и которые государства возвысишася Богомъ за какія правды и за какіе добрые дѣла, и что за соблюденіе оныхъ Господь Богъ, благій человѣколюбецъ миловалъ, и помощникъ былъ бѣднымъ, и отчаяннымъ, и худымъ, и не могущимъ стоять противъ супостатовъ. Далѣе очевидецъ и весьма близкій къ Діонисію человѣкъ Иванъ Насѣдка говоритъ, что грамоты писались и на Рязань и на Сѣверъ и въ Ярославль и въ Нижній Новгородъ и въ Понизовскіе города и въ Казань. Житіе препод. Діонисія, стр. 47—8, по изд. 1855 г. Это извѣстіе о призывѣ ратныхъ людей Троицко-Сергіевскими властями передаетъ также и Авраамій Палицынъ (стр. 247—251) и даже прямо говоритъ, что ими вызвано было второе ополченіе. Сицевымъ-же грамотамъ отъ обители живоначальныя Троицы во вся россійскія городы достизающимъ, и слуху сему во ушеса всѣхъ распространяющуся, и милостію пребезначальныя Троицы по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ, по малѣ разгоряющеся духомъ ратнымъ и вскорѣ сославшеся, сподвигошася отъ всѣхъ градовъ со всѣми своими воинствы поидоша къ царствующему граду на отмщеніе крови христіанскія. Стр. 251.

[39]) Собр. госуд. грам. т. 2, № 281, стр. 594, 1—2.

[40]) Свѣдѣнія объ этомъ великомъ подвигѣ Троицко-Сергіевскихъ иноковъ—въ житіи препод. Діонисія.

[41]) Авраамій Палицынъ, стр. 257—259. Первая за это время грамота Троицкихъ властей относится къ іюню 1611 (Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 190). Таже грамота, но съ значительной передѣлкой и съ пропускомъ, между прочимъ, имени Ляпунова, писана въ октябрѣ 1611 г. (Собр. госуд. грам. т. 2, № 275). Иванъ Насѣдка въ житіи препод. Діонисія свидѣтельствуетъ, что этотъ необыкновенный ревнитель о благѣ родины писалъ много грамотъ и въ томъ числѣ и въ Ярославль и въ Нижній Новгородъ, князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и къ Козмѣ Минину. Житіе препод. Діонисія, стр. 48. См. также выше прим. 38-ое.

[42]) Касательно того, какъ возникъ этотъ новый починъ торговыхъ людей, въ лѣтописныхъ сказаніяхъ существуютъ различныя показанія. Въ главнѣйшемъ лѣтописномъ разсказѣ, составляющемъ одинъ текстъ съ небольшими измѣненіями въ Лѣтописи о мятежахъ, въ Никоновской лѣтописи и въ Новомъ лѣтописцѣ, починъ дѣла приписывается вообще Нижегородцамъ, которые, услышавъ о душевредствѣ подъ Москвою, начаша мыслити, како-бы помочь московскому государству, изъ среды которыхъ выступилъ Кузьма Мининъ. Князь Пожарскій яснѣе и рѣшительнѣе всѣхъ починъ дѣла приписываетъ торговымъ людямъ. И въ Нижнемъ Новгородѣ гости и посадскіе люди и выборный человѣкъ Косма Мининъ, ревнуя пользѣ, не пощадя своего имѣнія, учали ратныхъ людей сподоблять денежнымъ жалованіемъ, и присылали по меня князя Дмитрія изъ Нижняго многажды, чтобы мнѣ ѣхати въ Нижній для земскаго совѣта. Собр. госуд. грам. т. 2, № 281, стр. 594, 2. Въ иномъ сказаніи о самозванцахъ (стр. 71) и въ нѣкоторыхъ хронографахъ, напр. Карамзинскомъ (Столяровскій списокъ, Изборн. Анд. Попова, стр. 353) починъ дѣла приписывается прямо Козьмѣ Минину. Въ сказаніи Авраамія Паалицына (стр. 259—60) и въ житіи препод. Діонисія (стр. 48) Нижегородское движеніе является послѣдствіемъ вліянія Троицко-Сергіевскихъ грамотъ. Къ послѣднему мнѣнію примыкаютъ сходные съ сказаніемъ Палицына хронографы и тѣ ихъ видоизмѣненія, въ которыхъ находятся сказанія о явленіи Кузьмѣ Минину препод. Сергія. Когда лѣтописцы описываютъ походъ третьяго ополченія, то постоянно упоминаютъ о томъ, что въ такомъ то городѣ дали ратнымъ жалованіе, казну и при этомъ иногда прямо говорятъ о торговыхъ людяхъ. Болохонцы... давъ на подмогу казны, отпустиша ихъ (Лѣт. о мят. стр. 252). Юревчанежъ такожъ пріяша съ радостію и даша многу казну на подмогу (тамъ же). Начаша изъ городовъ пріѣзжати многіе ратные люди, посадскіе люди привозити на помощь денежную казну (тамъ же, стр. 255).

Торговые русскіе люди, особенно Нижняго Новгорода, Новгорода Великаго и Вологды, дѣйствовали вмѣстѣ съ другими при первомъ и второмъ подъемахъ русскаго народнаго духа и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ, много положили труда. Но вообще торговое русское сословіе въ смутныя времена не занимало виднаго положенія [43]). Можно думать, что и въ число привиллегированныхъ людей, по акту избранія Шуйскаго, оно попало, благодаря лишь древнимъ связямъ съ родомъ Шуйскихъ новгородскихъ людей, особенно торговыхъ изъ нихъ, переселенныхъ въ немаломъ числѣ въ Москву при Іоаннѣ III. Между тѣмъ, торговые люди могли имѣть великое значеніе въ смутныя времена. Они были вдали и отъ сословныхъ интересовъ русской интеллигенціи тѣхъ временъ, и неповинны были въ закрѣпощеніи крестьянъ и усиленіи холопства. Они могли спокойнѣе другихъ относиться къ служилымъ людямъ и, что особенно важно, большею частью своего сословія примыкали къ крестьянамъ. Съ другой стороны, отъ самозванческой смуты они страдали не менѣе, если еще не болѣе другихъ сословій, такъ какъ во время этой смуты не возможна была никакая правильная, тѣмъ болѣе честная торговля. Наконецъ, нужда въ содѣйствіи этихъ людей теперь была ощутительнѣе, чѣмъ когда либо. Вопросъ о казнѣ, о средствахъ содержанія войска былъ вопіющимъ вопросомъ, особенно въ то время, когда козаки стали прибирать къ своимъ рукамъ казенныя имѣнія. На содѣйствіе торговаго сословія неизбѣжно теперь возлагалась надежда больше, чѣмъ когда либо. Весьма вѣроятно, что Троицкія власти хорошо понимали это дѣло и потому направляли свои грамоты въ такой твердый торговый пунктъ, какъ Нижній-Новгородъ, и, очень можетъ быть, что Козьма Мининъ былъ имъ хорошо знакомъ раньше того времени, когда онъ выступилъ съ своею рѣчью къ Нижегородцамъ, исполненною чувствами беззавѣтной и самоотверженной любви къ родинѣ. Можно также думать, что онъ не по своему лишь усмотрѣнію указалъ народу на князя Пожарскаго, какъ на лучшаго представителя служилыхъ людей, которому можно смѣло ввѣрить власть народнаго вождя, такъ какъ онъ при неоспоримой военной доблести, обладалъ еще болѣе высокою и рѣдчайшею въ тѣ мрачныя времена доблестію—неизмѣнною вѣрностью законному правительству и народу.

Въ горнилѣ бѣдствій очистились и возвысились: русское религіозное одушевленіе, русская военная служба и русская торговая чуткость къ благу родины, соединились во едино для спасенія отечества и выдвинули каждая необыкновенно-даровитыхъ и чистыхъ представителей,—Троицко-Сергіевскаго архимандрита Діонисія, Кузьму Минина и князя Димитрія Михайловича Пожарскаго.

Вотъ эти-то три лица и двинули вновь—это было уже въ третій разъ, русскія народныя силы къ Москвѣ. Шли эти силы съ ясно-сознаннымъ планомъ дѣйствій. Главные пункты этого плана были слѣдующіе: всѣми способами держать и оберегать свое единеніе, т. е. единеніе главныхъ силъ—духовной, служилой и торговой [44]), и, когда Богъ дастъ имъ очистить Москву отъ иноземцевъ, то избрать общимъ совѣтомъ государя изъ своихъ [45]); что-же касается практическихъ средствъ, необходимыхъ для достиженія ближайшей цѣли—успѣшной борьбы съ врагами, то третье ополченіе стало на почву Московскаго постановленія **30 іюня 1611 г.** и иногда даже съуживало его. Въ третье ополченіе, какъ и во второе, допускались козаки,—но лишь какъ отдѣльныя надежныя лица, или какъ малыя, завѣдомо-хорошія группы [46]); но что касается вообще козаковъ, какъ большой, соединенной подъ Москвой военной силы, то третье народное ополченіе пошло дальше ограниченій Московскаго постановленія и, не отвергая содѣйствій козаковъ, открыто заявляло, что отдѣляетъ себя отъ нихъ [47]).

Козаки не могли не почувствовать всей силы этого твердаго, яснаго заявленія. По мѣрѣ того, какъ третье ополченіе собиралось, устраивалось въ Ярославлѣ и двигалось къ Мовсквѣ, въ массѣ людей, остававшихся съ Трубецкимъ и Заруцкимъ подъ Москвой и державшихся ихъ по областямъ, обнаруживались два противоположныхъ теченія: одни, лучшіе

---

[43]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торговые люди даже обнаруживали очень узкое и корыстное пониманіе интересовъ Россіи, за что потомъ жестоко поплачивались. Такъ, торговые люди Вологды, на богатства которыхъ тушинцы очень зарились, передались тушинскому самозванцу, чтобы спасти свое добро, но были ограблены. Сказ. Исаака Массы, русск. изд. стр. 253, 254—5; Собр. госуд. грам. т. 2, № 181. Если вѣрить Буссову, подобные разсчеты, и также невѣрные, были и у Ярославцевъ. Сказ. совр. о самозв. т. 1, стр. 100. Впрочемъ, по другимъ документамъ въ Ярославлѣ торговыхъ людей выдала чернь. Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 180.

[44]) Для полнаго выраженія этого единенія и упроченія его свѣтскіе вожди третьяго ополченія послали просить бывшаго ростовскаго митрополита Кирилла прибыть изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, въ которомъ онъ находился, и оставаться при ополченіи. Лѣт. о мят. стр. 260. Затѣмъ ополченіе озаботилось, чтобы, по прибытіи его къ Москвѣ, мѣсто Кирилла было занято Крутицкимъ митрополитомъ, и въ этотъ санъ избрало Исаію. Собр. госуд. грам. т. 2, № 283. Къ Москвѣ съ ополченіемъ пошелъ, какъ увидимъ ниже, и представитель Троицко-Сергіева монастыря, Авр. Палицынъ.

[45]) Еще въ мартѣ 1611 г., когда двигалось къ Москвѣ второе ополченіе, Соловецкій игуменъ Антоній писалъ къ шведскому королю Карлу IX, что въ Московскомъ государствѣ рѣшено избрать царя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ (Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 180). Такъ понялъ игуменъ Антоній призывъ выборныхъ послѣ низложенія Шуйскаго. Пониманіе это, по всей вѣроятности, было не личнымъ дѣломъ игумена Антонія. По всей вѣроятности онъ зналъ, что тогда, когда посылаемъ былъ призывъ выборнымъ, мысль эта была въ ходу (См. выше примѣч. 1). Во время втораго ополченія и въ первыя времена третьяго выражались глухо,—что нужно избрать государя всею землею, кого Богъ дастъ (Собр. госуд. гр. т. 2, № 252; Акт. Истор. т. 2, № 333; Собр. госуд. гр. тамъ же № 281, стр. 542, 2 и 596, 2). Давно существовавшая мысль объ избраніи государя изъ своихъ со всею ясностью и твердостью высказана въ концѣ іюля 1612 г. въ Ярославлѣ, когда третье ополченіе достаточно окрѣпло и можно было не такъ уже бояться бѣдъ со стороны Швеціи, выставившей своего кандидата и вынудившей подвластныхъ ей тогда Новгородцевъ хлопотать за этого кандидата (Акт Арх. Эксп. т. 2, №№ 208 и 210; Лѣт. о мят. стр. 256—7. 260—161; Никон. лѣт. т. 8, стр. 181, 184—5; Новый лѣт' стр. 148—49, 150).

[46]) Въ Нов. Лѣт. ясно говорится, что къ князю Пожарскому, въ числѣ другихъ, пришли козаки и стрѣльцы,—тѣ, которые сидѣли въ Москвѣ при царѣ Василіи. Стр. 146. Были однако козаки и стрѣльцы и кромѣ этихъ. Когда Нижегородцы назначили жалованье первому пришедшему къ нимъ отряду—Смольнянъ, которыхъ не пустили къ себѣ мужики у Арзамаса въ назначенныя имъ помѣстья, то жалованье получили также козаки и стрѣльцы, вѣроятно, бывшіе въ Смоленскомъ отрядѣ. Хроногр. Карамз. Изб. Попова, стр. 353.

[47]) Въ окружной грамотѣ (іюня 1611 г.) Пожарскій, между прочимъ, писалъ: и изъ полковъ изъ-подъ Москвы пріѣхали къ намъ въ Ярославль воеводы и дворяне и дѣти боярскіе, да атаманы и козаки (поименованы) ко общему всея земли совѣту; мы же видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и ата-

люди стремились къ Пожарскому и Минину [48]), другіе—главнымъ образомъ козаки Заруцкаго, неизбѣжно должны были уходить изъ занятыхъ мѣстъ въ восточной половинѣ Россіи и тѣсниться подъ Москвой. Казенныя имущества должны были больше и больше ускользать изъ ихъ рукъ и районъ ихъ власти на сѣверѣ отъ Москвы неизбѣжно уменьшался болѣе и болѣе [49]). Мало того, нравственная сила третьяго ополченія стала дѣлать завоеванія и въ южной половинѣ Россіи. Кромѣ Рязанской области [50]), которая не могла забыть козакамъ ихъ убійства доблестнаго вождя Рязанской земли Ляпунова, грамоты Пожарскаго направлялись даже въ Сѣверщину [51]) и не могли не дѣйствовать, уже потому одному, что тамъ давно уже утверждалъ свою власть польскій король Сигизмундъ [52]). Положеніе козаковъ подъ Москвой становилось невыносимымъ и по нравственному давленію со стороны ополченія Пожарскаго, и по возраставшей нуждѣ. Въ неистовомъ озлобленіи вождь этихъ козаковъ, Заруцкій, задумалъ злодѣяніе,—подослалъ къ Пожарскому убійцъ. Но около народнаго вождя плотно стояли русскіе. Онъ остался невредимъ. Злодѣяніе открылось во всемъ своемъ ужасѣ и позорѣ передъ всѣмъ ополченіемъ и неизбѣжно должно было вооружить его еще больше противъ козаковъ [53]). Заруцкій не устоялъ подъ этимъ новымъ давленіемъ третьяго ополченія. Съ своимъ скопищемъ, составлявшимъ половину всего остатка второго ополченія, онъ бросилъ свой станъ подъ Москвой, бросилъ также дѣло Псковскаго самозванца, которому недавно присягалъ, взялъ на свое попеченіе новаго претендента на Московскій престолъ сына Марины, остававшейся въ Коломнѣ безъ сильнаго защитника послѣ смерти Яна Сапѣги, и кинулся съ ними и съ своимъ полчищемъ разорять Рязанскую область потому, вѣроятно, что это была единственная въ южной половинѣ Россіи нераззоренная область, а также и потому, что Заруцкій хотѣлъ отомстить этой области за живую память о Ляпуновѣ [54]).

Но подъ Москвой осталось еще не мало людей отъ второго ополченія. Осталось при Трубецкомъ не мало козаковъ, неизвѣстно какихъ, а также не мало служилыхъ людей, старыхъ тушинскихъ его союзниковъ, бывшихъ, вѣроятно, помѣщиковъ ближайшихъ къ Москвѣ помѣстій. Въ послѣдствіи дѣла показали, что въ средѣ ихъ оказались люди, въ которыхъ просыпалось родное русское чувство и вызывало на подвиги. Теперь они находились въ крайней нуждѣ, въ опасности отъ подступавшаго къ Москвѣ гетмана Ходкевича, и очень нуждались въ скорѣйшей помощи отъ ополченія князя Пожарскаго. Трубецкой и отправлялъ не разъ посольства и грамоты къ Пожарскому съ предложеніемъ союза и единенія; но каждый разъ тушинцы должны были понять, что имъ не довѣряютъ и ихъ остерегаются [55]).

Такимъ образомъ теперь, какъ во времена Ляпунова, стояли лицомъ къ лицу двѣ силы,—одна полноправная и сильная не только физически, но и нравственно, и другая, униженная многими дурными дѣлами въ прошедшемъ и однако желавшая завоевать себѣ это полноправіе служеніемъ родинѣ! Мы не знаемъ, какъ смотрѣли на это дѣло лично князь Пожарскій и Мининъ. Мы знаемъ только, что никто изъ посланцевъ Трубецкаго не уходилъ отъ нихъ не обласканнымъ и не снабженнымъ всѣмъ необходимымъ [56]), и неизвѣстно, былъ-ли это политическій разсчетъ парализовать еще больше козацко-тушинскую силу, или можетъ быть, это было продолженіемъ дѣлъ великой любви и милосердія Троицко-Сергіевскихъ властей. Но неоспоримо, что масса людей третьяго ополченія, живо помнившихъ участь Ляпунова и недавнее покушеніе на жизнь князя Пожарскаго, не расположена была относиться такъ благодушно къ войску Трубецкаго [57]). Двѣ русскія силы, сходившіяся на развалинахъ центра своей государственности, чтобы въ третій разъ поднять его къ прежней силѣ и величію, близки были къ тому, чтобы начать войну между собою [58]) и этимъ, можетъ быть, погубить и

мановъ и козаковъ, подъ Москву не пошли, а послали по городамъ воеводъ съ ратными людьми... Собр. госуд. грам. т. 2, № 281, стр. 595, 2; 597, 1—2. Когда Трубецкій и Заруцкій прислали увѣреніе, что отказались отъ самозванца (тамъ же Собр. госуд. грам. стр. 597) и приглашали подъ Москву идти, не опасаяся, то князь Пожарскій и Мининъ отвѣтили имъ, что они никакова развращенія и опасенія не имѣютъ, а идутъ подъ Москву имъ на помощь (Лѣт. о мят. стр. 253). Но Авраамій Палицынъ увѣряетъ, что только его просьбы убѣдили вождей ополченія двинуться къ Москвѣ (Палиц. стр. 262—5). Ниже мы увидимъ, что дѣйствительно ополченіе подвигалось съ великою осторожностію и недовѣріемъ къ козакамъ.—Были и другія причины, замедлявшія движеніе къ Москвѣ третьяго ополченія. Подобно Ляпунову, боявшемуся оставить позади себя Яна Сапѣгу, и князь Пожарскій долженъ былъ постоянно оглядываться назадъ, подвигаясь къ Москвѣ. Кромѣ тушинскихъ полчищъ, старавшихся пробраться на сѣверъ Россіи, князя Пожарскаго тревожили Шведы, не только овладѣвшіе Новгородомъ, но и мечтавшіе давно уже о завоеваніи всего сѣвера Россіи. Голикова дополненіе къ истор. Петра, т. 2, стр. 264—5.

[48]) Изъ-подъ Москвы, изъ полковъ отъ князя Дмитрія Трубецкого и отъ Ивана Заруцкаго прибѣжали въ Ярославль (къ) князю Дмитрею (Пожарскому) и Кузмѣ многіе боярскіе дѣти и столники и стряпчіе и дворяне и дѣти боярскіе и дьяки и подьячіе и торговые добрые люди, видя что подъ Москвою у козаковъ учело дѣлатся воровство. Тамъже стр. 354.

[49]) Лѣт. о мят. стр. 251—54, 255—56, 558, 259.

[50]) Лѣт. о мят. стр. 249, 260.

[51]) Собр. гос. гр. т. 2, № 281. Грамота адресована въ Путивль.

[52]) Русск. ист. библ. т. 1, стр. 155—61, 666, 570—572.

[53]) Лѣт. о мят. стр. 261—263.

[54]) Лѣт. о мятеж. стр. 267; Авр. Палицынъ, стр. 266. Весьма вѣроятно также, что Ляпуновъ зналъ распоряженіе польскаго короля Сигизмунда, чтобы тушинцы, до уплаты имъ вознагражденія за заслуги, занимали Сѣверскую и Рязанскую области. Русск. историч. библ. т. 1, стр. 173 и 214.

[55]) Сказавъ о томъ, что князь Пожарскій пришелъ къ 14 августа къ Троицко-Сергіеву монастырю, Авр. Палицынъ продолжаетъ: а бояринъ и воевода князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой пишетъ непрестанно изъ подъ Москвы... что козаки всѣ изъ подъ Москвы для великія скудости хотятъ итти прочь; а къ литовскимъ людемъ въ Москву идетъ Хоткѣвичь... со многими людьми и съ запасы... Въ нихъ же (въ ополченіи Пожарскаго) бысть много разнствія и нестроеніе велико. Овіи хотяху подъ Москву итти, иніи же не хотяху (стр. 266—7). Лѣтопись о мятежахъ спокойнѣе и дѣльнѣе объясняетъ это нестроеніе и разнствіе. А къ Москвѣ (отъ Троицы) не пошли (сейчасъ же) для того, чтобъ укрѣпитися съ козаками, чтобъ другъ на друга никакова зла не умышляли. Пріидоша же изъ подъ Москвы въ Троицкой монастырь дворяне и козаки и возвѣстиша князю Дмитрію, что гетманъ Хоткѣевъ скоро будетъ подъ Москву. Князь же Дмитрій не по уговору бысть съ козаками (стр. 268).

[56]) Лѣт. о мят. стр. 263—4, 265, 267.

[57]) Авр. Палицынъ передаетъ, что нежелавшіе идти отъ Троицы къ Москвѣ говорили: князя Дмитрея манятъ подъ Москву козаки, хотятъ его убити, какъ и Прокопія Ляпунова убили (стр. 267).

[58]) Война уже и начиналась. Заруцкій до отхода изъ-подъ Москвы тѣснилъ и затѣмъ разогналъ пришедшихъ туда ратныхъ изъ украинныхъ городовъ (не козаковъ) (Лѣт. о мят. стр. 264—5). Затѣмъ, когда подошелъ къ Москвѣ передовой

этотъ центръ и всю свою родину, такъ какъ въ это время уже приблизился къ Москвѣ гетманъ Ходкевичъ со свѣжими польскими силами и продовольствіемъ для осажденныхъ въ Кремлѣ поляковъ, а за нимъ на западныхъ границахъ Россіи король Сигизмундъ собиралъ новыя польскія силы, чтобы вести на Московскій престолъ сына своего Владислава.

Вотъ, въ это-то роковое время вновь выступили Троицко-Сергіевскія власти съ своимъ нравственно-властнымъ призывомъ къ русскимъ людямъ стать выше личныхъ или сословныхъ страстей и спасать общими силами родину. Всѣ ихъ вѣковѣчныя и свѣжія, недавнія преданія побуждали смотрѣть съ любовію и вѣрою на всѣхъ русскихъ людей, даже на испорченныхъ смутой, а глава этихъ иноковъ, архимандритъ Діонисій—вѣрный ученикъ и послѣдователь недавно мученически-скончавшагося патріарха Гермогена, вызвавшаго второй подъемъ народнаго духа, такъ широко обхватившій Россію, Діонисій такъ самоотверженно спасавшій несчастныхъ мучениковъ этого ополченія, меньше всѣхъ способенъ былъ теперь молчать и бездѣйствовать. Троицкія власти поддерживали Трубецкаго въ его рѣшимости оставаться подъ Москвой, посылали ему заряды [59]). Діонисій разсылалъ грамоты и къ нему и къ князю Пожарскому, убѣждая ихъ къ миру и согласію [60]). Встрѣчая и напутствуя третье ополченіе на пути его къ Москвѣ, онъ съ глубокою любовію благословлялъ его и призывалъ къ великому подвигу [61]). Представитель Троицкихъ властей Авр. Палицынъ пошелъ съ ополченіемъ подъ Москву и когда раздоры между войсками Трубецкаго и Пожарскаго стали вести къ неудачамъ въ борьбѣ съ поляками и угрожали доставить торжество Ходкевичу, Авраамій Палицынъ ѣхалъ къ козакамъ Трубецкаго съ словомъ увѣщанія и даже давалъ имъ присланныя Діонисіемъ Троицко-Сергіевскія церковныя вещи въ залогъ уплаты для удовлетворенія ихъ нуждъ, дѣйствительно, великихъ. Озлобленные козаки Трубецкаго утихали при возгласѣ: Сергіевъ ѣдетъ! ихъ грубыя, опозоренныя многими дурными дѣлами руки опускались и не имѣли силы, чтобы протянуться къ церковной святынѣ; но въ нихъ пробуждалась мощная сила для другаго дѣла—для борьбы съ поляками, и эти голодные и оборванные люди кидались въ эту борьбу рядомъ съ обезпеченными воинами третьяго ополченія [62]). Изъ ихъ груди разъ даже вырвалось замѣчательное негодованіе на Трубецкаго. Кинувшись однажды противъ его воли помогать Пожарскому, они сказали: въ вашей нелюбви Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба точію чинится [63])! Невозможно думать, чтобы слово любви, вырвавшееся изъ груди этихъ черствыхъ людей, не раздавалось въ ополченіи Пожарскаго и незнакомо было Пожарскому и Минину, когда мы знаемъ, что и самое это негодованіе козаковъ вырвалось у нихъ по тому случаю, что Трубецкой коварно поступилъ съ присланною ему Пожарскимъ по его просьбѣ военною подмогою. Рѣчь о любви между собравшимися подъ Москвою была тогда не подъ Москвой лишь или въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ. Она разносилась, нужно думать, очень далеко и возникала въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Какіе-то невѣдомые міру подвижники, бѣжавшіе, какъ они сами говорятъ о себѣ, въ пустыню, юже (Христосъ) прежде вѣкъ проразумѣніемъ своимъ уготова на пропитаніе, трепетали въ своемъ уединеніи за будущность новаго собранія русскихъ силъ подъ Москвою, и сочли нужнымъ прислать Пожарскому и Трубецкому посланіе, въ которомъ сильнымъ словомъ призываютъ ихъ быть въ единеніи и любви. „Молимъ убо, молимъ васъ, благочестивіи князи Дмитріе Тимоѳеевичъ (Трубецкой) и Дмитріе Михайловичъ (Пожарскій)! сотворите любовь надъ всею Россійскою землею, призовите въ любовь къ себѣ всѣхъ любовію своею; поприте врага, ненавидящаго любви въ человѣцѣхъ; смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время свое и да прославится имя ваше въ вѣчныхъ родѣхъ, яко совершители бысте заповѣдемъ господнимъ“ [64]).

Эти рѣчи о любви, этотъ нравственный, христіанскій призывъ къ единенію произвели дѣйствіе на обѣ части московскаго ополченія. Начальники отрядовъ обратились къ своимъ главнымъ вождямъ—Пожарскому и Трубецкому, отъ имени всей земли, какъ во времена Ляпунова, съ просьбой быть въ любви и единеніи и устроить единое, правильное управленіе дѣлами. Вожди исполнили эту просьбу, и объ этомъ важномъ событіи Россія оповѣщена была двумя грамотами,—одною отъ имени Трубецкаго и Пожарскаго и другою отъ имени чиновъ, просившихъ ихъ объ этомъ [65]). Вѣра въ прочность этого соединенія была тогда очень велика. Въ грамотѣ отъ имени Трубецкаго и Пожарскаго есть одно условіе этого соединенія, поражающее своею неожиданностью и странностью. Россія въ этой грамотѣ приглашается, между прочимъ, вѣрить только такимъ грамотамъ, которыя подписаны обоими вождями, и не вѣрить грамотамъ, если онѣ подписаны кѣмъ-либо однимъ изъ нихъ. Принятіе такого тревожнаго условія и оповѣщеніе его по всей Россіи есть сильное доказательство не только истинно—геройской скромности князя Пожарскаго, но и всеобщей вѣры въ прочность установленнаго единенія между ними. Безъ этой вѣры ополченіе Пожарскаго не могло бы принять такого условія. Событія оправдали эту вѣру. Ходкевичъ не могъ помочь

отрядъ третьяго ополченія подъ начальствомъ князя Дмитрія Петровича Пожарскаго-Лопаты, то Заруцкій вступилъ съ нимъ въ бой, но много бившеся, тружающеся всуе, ничтоже успѣша (Авр. Палицынъ, стр. 264—5). Послѣ удаленія Заруцкаго и послѣ прихода подъ Москву главныхъ силъ третьяго ополченія, князь Дмитрій Трубецкой и козаки начаша на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и на Козму и на ратныхъ людей нелюбовь держати за то, что къ нимъ въ таборы не пошли (Лѣт. о мят. стр. 270—1).

[59]) Авр. Палицынъ, стр. 257.

[60]) Житіе препод. Діонисія, стр. 48, свидѣтельство Ивана Насѣдки; Авр. Палиц. стр. 264—5.

[61]) Житіе Діонисія, стр. 53; Новый лѣтоп., стр. 153. Авр. Палицынъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приписываетъ себѣ главное участіе въ воодушевленіи войска (стр. 267).

[62]) Разсказъ объ этомъ основанъ главнымъ образомъ на сказаніи Авр. Палицына (стр. 257—80). Признавая даже, что Палицынъ здѣсь преувеличиваетъ участіе Троицко-Серг. властей и свое личное, невозможно отвергнуть этого участія. Можно даже сказать, что это участіе, особенно архим. Діонисія, во времена и третьяго и втораго ополченія въ историческихъ памятникахъ умалено, благодаря невниманію современниковъ и главнымъ образомъ благодаря самолюбію Авр. Палицына, приписывавшаго все себѣ. Еще Иванъ Насѣдка замѣтилъ эту слабость Палицына и въ одномъ мѣстѣ житія Діонисія обличаетъ ее (стр. 44). Еще больше онъ возмущался тѣмъ, что многочисленныя грамоты Діонисія не собраны, указывалъ мѣста, гдѣ ихъ нужно искать, и признавалъ ихъ необыкновенно важными, такъ какъ въ нихъ болѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много и что въ нихъ, какъ и вообще въ великихъ подвигахъ Діонисія, мы можемъ находить оружіе, чтобы боронитися отъ вертящихся гордынь (стр. 48—9).

[63]) Никон. лѣт. т. 8, стр. 155; Лѣт. о мят. стр. 289.

[64]) Акт. Арх. Эксп. т. 2, № 213.

[65]) Тамъ же, №№ 214 и 215.

осажденнымъ полякамъ. Эти послѣдніе принуждены были сдаться. Запоздавшій съ новыми своими злоумышленіями на Россію король Сигизмундъ не могъ дойти до Москвы и съ посрамленіемъ возвратился назадъ. На Московскій престолъ былъ тогда уже избранъ новый государь изъ своихъ, въ строгомъ согласіи съ историческими преданіями и давно уже намѣченный волею народа,—Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ царствующаго Государя Императора.

Избраніе это совершено единогласно всей землей, призванной для этого вновь. Вся земля въ лицѣ своихъ представителей избрала Михаила Ѳеодоровича и долго стояла около его престола. Въ этомъ сказалось великое народное чувство и русское здравомысліе. Но эти качества сказались еще и въ томъ, что новоизбранный юный царь наученъ былъ ближайшими къ нему людьми не торопиться идти на престолъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ и не торопился занимать престолъ, даже сознательно медлилъ, и этимъ заставлялъ избравшее его земство устроять его прочно. Земство и продолжало дѣлать это великое дѣло нѣсколько лѣтъ, почти до самаго прибытія изъ плѣна отца государева и затѣмъ патріарха всероссійскаго—Филарета.

Такъ возстановлена была въ тѣ времена наша русская государственность, разрушенная и поруганная было внутреннею смутою и иноземной интригой. Смѣю думать, что эти событія заключаютъ въ себѣ много вещей, поучительныхъ для нашего времени, такъ что даже не излишня значительная сдержанность въ выводахъ и сближеніяхъ того отдаленнаго отъ насъ прошедшаго съ нашимъ настоящимъ временемъ. Я понимаю силу этого обязательства и позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько выводовъ и сближеній, оставаясь на исторической почвѣ и выступая за ея предѣлы только по необходимости.

Жестокимъ опытомъ жизни, путемъ долговременныхъ страданій отъ самозванческихъ смутъ наши предки пріобрѣли себѣ и намъ, ихъ потомкамъ, не мало благъ, но понесли также и много тяжелыхъ потерь, какъ бы подтверждая въ назиданіе потомству великую врачебную истину, что безъ потери не бываетъ пролитія крови человѣческой.

Они возстановили свою государственность и научились сознательнѣе цѣнить благо ея существованія. Они возстановили при этомъ въ полномъ согласіи съ лучшими преданіями прошедшаго и съ лучшими началами народной жизни нашу царскую династію, и Богъ благословилъ это счастливое возстановленіе, даровавъ Россіи въ этой династіи многихъ добрыхъ и многихъ умныхъ государей, и въ числѣ ихъ великаго въ мірѣ генія—Петра I и великаго благодѣтеля русскаго и славянскаго міра—нашего Царя-Освободителя.

Далѣе, лучшіе наши предки того времени оставили своимъ потомкамъ великую воспитательную силу въ своихъ необыкновенныхъ подвигахъ для блага родины. Передъ глазами этихъ потомковъ будутъ всегда стоять и, по мѣрѣ усиливающагося знанія родного прошедшаго, даже выростать величественные образы патріарха Гермогена, Михаила Скопина-Шуйскаго, преподобнаго Діонисія, Прокопія Ляпунова, князя Пожарскаго, торговаго человѣка Минина, крестьянина Сусанина. Со временемъ, безъ сомнѣнія, выйдутъ изъ мрака забвенія и станутъ подлѣ нихъ еще новые, величественные образы, и прежде всего, вѣроятно, встанетъ достойный пера лучшихъ нашихъ поэтовъ и кисти лучшихъ нашихъ художниковъ, поразительный образъ старухи—матери князя Пожарскаго, вышедшей въ Нижнемъ-Новгородѣ 25-го декабря 1612 г. къ народу, собиравшемуся перетопить ночью присланныхъ туда плѣнныхъ поляковъ, и своимъ скромнымъ напоминаніемъ о данномъ ея сыномъ словѣ—сохранить жизнь этихъ несчастныхъ, и объ его службѣ отечеству, превращающей разсвирѣпѣвшую толпу въ кроткихъ, послушныхъ ея слову дѣтей [66]).

Но при всѣхъ этихъ благахъ, мы понесли и жестокія потери. Изгибло страшно много народу, изгибло страшно много благосостояній. По свидѣтельству одного иноземца, тогдашняя немноголюдная Россія потеряла во времена смутъ—по исчисленію русскихъ—шестьсотъ тысячь народу [67]); а по исчисленію составителей смоленской грамоты, изъ тысячи десятый, изъ сотни—одинъ. По единогласному свидѣтельству и иноземныхъ и нашихъ свидѣтелей, цѣлыя области представляли печальную картину развалинъ. Уже отъ этой одной матерьяльной убыли въ людяхъ и благосостояніяхъ, русская цивилизація должна была замедлиться, отстать. Но она замедлилась и отстала еще по другой—нравственной причинѣ. Небывалый наплывъ въ Россію иноземцевъ оставилъ послѣ себя густую пѣну пагубнаго вліянія на русскихъ, выразившагося, между прочимъ, въ западноевропейскомъ воззрѣніи на человѣка низшаго званія, на простой народъ. Положеніе этихъ людей низшаго званія, положеніе простаго народа подъ неоспоримымъ вліяніемъ иноземныхъ людей ухудшилось, и всѣ тѣ муки, которыя дѣлали другимъ и сами выносили русскіе крестьяне и холопы, чтобы выйти изъ закрѣпощенія и холопства, не только не принесли пользы, но повели еще къ усилію закрѣпощенія и холопства. То и другое стало развиваться съ поразительною быстротою и поразительнымъ сходствомъ съ формами польскаго хлопства.

Мы теперь не имѣемъ этого великаго, нерусскаго зла,—крѣпостнаго состоянія, раздѣлявшаго роковою бездною гражданъ одной земли. Мы теперь—едино почти во всемъ нашемъ гражданскомъ быту,—въ школѣ, при исполненіи воинской повинности, въ судѣ, въ земствѣ. И однако,—чудовищная странность,—въ то самое время, когда это единеніе нашихъ русскихъ силъ начинаетъ крѣпнуть, въ нашей русской средѣ являются самозванные благодѣтели Россіи и воскрешаютъ ужасную теорію иноземныхъ руководителей самозванцевъ—разъединять русскихъ людей и возбуждать низшіе слои народа противъ высшихъ. Неужели этотъ адскій планъ можетъ самостоятельно созрѣть въ русской головѣ? Нѣтъ! Въ русской головѣ самостоятельно созрѣть онъ не можетъ.

Или еще странность. Съ освобожденіемъ крестьянъ, съ объединеніемъ русскихъ людей всѣхъ званій и состояній, естественно долженъ былъ начаться у насъ быстрый ростъ нашей интеллигенціи. Усиліе этого возрастанія интеллигенціи намъ крайне нужно. У насъ накопилось и запущено много интеллигентной работы. Притомъ, возрастаніе нашей интеллигенціи должно усилить русское зерно ея и отразиться усиленіемъ русскаго направленія въ области знаній, въ нашей общественности, государственности, политикѣ. И однако опять

---

[66]) Русск. ист. библ. т. 1, стр. 355. Это—свидѣтельство поляка, вѣроятно, одного изъ спасенныхъ этимъ заступничествомъ матери князя Пожарскаго. Вотъ это свидѣтельство. Тогоже 1612 года, 25 декабря въ самый день Рождества Христова привезли въ Нижній Новгородъ г. Будила и товарищей. Вмѣсто того, чтобы держать ихъ въ чести (!), какъ присягали бояре, ихъ посадили въ избу, а слугъ засадили въ тюрьму, и всѣхъ ихъ намѣрены были ночью перетопить, но княгиня боярыня—мать вышеупомянутаго Пожарскаго—упросила хлопство, чтобы имѣли уваженіе къ присягѣ и службѣ ея сына.

[67]) Буссовъ-Бэръ, Сказ. совр. о самозв. т. 1, стр. 131.

странность: въ то самое время, когда стало обозначаться усиленное возрастаніе нашей интеллигенціи, когда вскорѣ достигнетъ совершеннолѣтія первое поколѣніе свободныхъ гражданъ, родившихся послѣ 19-го февр. 1861 г. въ средѣ бывшихъ крѣпостныхъ,—въ это самое время появляются адскія теоріи и усилія задержать ростъ русской интеллигенціи, загубить побольше русскихъ молодыхъ силъ, и этимъ неизбѣжно усилить въ будущемъ наплывъ инородцевъ, иноземцевъ на мѣста русскихъ убылыхъ людей. Неужели такое пагубное для всѣхъ русскихъ дѣло, эта ужасная политическая гнилая жаба, такъ безпощадно поражающая наше дорогое русское юношество и уже вызвавшая цѣлые потоки жгучихъ слезъ русскихъ матерей и отцовъ, можетъ самостоятельно зарождаться въ русской натурѣ? Нѣтъ! Въ русской натурѣ такая болѣзнь самостоятельно зарождаться не можетъ.

Наука русской исторіи не знаетъ и не призвана указывать, какъ нужно врачевать эти страшныя наши болѣзни иноземнаго заноса. Но наука русской исторіи знаетъ и мы видѣли, чѣмъ и какъ врачевали подобныя болѣзни наши предки во времена самозванческихъ смутъ. Это было—единеніе русскихъ людей,—то единеніе, которое одушевлялъ съ такою чистотою юности Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, которое устроялъ съ такимъ смѣлымъ полетомъ сильнаго воображенія Прокопій Ляпуновъ, къ которому звалъ съ такою глубиною христіанской любви преподобный Діонисій и изъ котораго длиннымъ путемъ тяжкихъ неудачъ и воодушевляющихъ успѣховъ выработалась ко временамъ князя Пожарскаго и Минина коллективная сила не только русскаго чувства, но и русскаго здраваго ума. Современной нашей цивилизаціи естественно сократить и облегчить этотъ длинный и тяжелый процессъ образованія русской коллективной силы родного чувства и здраваго ума. Или возможно думать, что цивилизація нашихъ временъ слабѣе для этого дѣла, ниже цивилизаціи нашихъ предковъ начала XVII вѣка? Это было бы ужасно и равносильно признанію нашего историческаго омертвенія. Но русскій народъ, о которомъ можно сказать, что это—сильный, возмужавшій, историческій юноша среди старыхъ народовъ Европы, не можетъ еще мыслить, что онъ умираетъ и, конечно, онъ и не умираетъ, и не умретъ еще много вѣковъ!

М. Кояловичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Напечатана новая книга по церковному Богослуженію,—Церковный уставъ въ таблицахъ, заключающій въ себѣ весь порядокъ церковныхъ службъ рядовыхъ и всѣ особенности прздничныхъ службъ въ теченіи времени года **вторымъ изданіемъ.**

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Въ 1-й части показывается порядокъ служенія по октоиху съ минеей мѣсячной, въ періодъ—отъ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли мытаря и фарисея.

Во 2-й части показывается порядокъ служенія по октоиху съ минеей и постною тріодію въ періодъ—отъ недѣли мытаря и фарисея до недѣли Св. Пасхи.

Въ 3-й части показывается порядокъ служенія по цвѣтной тріоди съ минеей мѣсячной въ періодъ—отъ Св. Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ.

Составляя уставъ въ таблицахъ, я имѣлъ въ виду доставить болѣе наглядное и ясное руководство для исполненія порядка службы церковной. Въ православной Греко-Россійской церкви главное руководство для совершенія служенія церковнаго есть—Типиконъ. Но въ немъ есть во многихъ мѣстахъ не домолвки о такихъ священныхъ дѣйствіяхъ, совершеніе которыхъ признано совершать въ нашей церкви, напримѣръ: порядка выноса плащаницы, унесенія ея, порядка принесенія Св. Даровъ на преждеосвященной литургіи и др.

Въ службахъ церковныхъ бываетъ много разнообразій и это отъ того, что у насъ не имѣется болѣе нагляднаго указанія порядка службъ церковныхъ.

Уставъ въ таблицахъ есть руководство довольно наглядное, сжатое и при томъ обнимающее весь кругъ церковыхъ службъ всего года. Онъ почти во всемъ замѣняетъ типиконъ, а Марковы главы и главы о храмахъ замѣняетъ вполнѣ и съ большимъ удобствомъ при настоящемъ систематическомъ изложеніи его.

Цѣна 1 рубль 10 коп. серебромъ съ пересылкою, выписывающіе же одинъ экземпляръ платятъ за пересылку 20 коп. При книгѣ прилагается обозрѣніе всего устава на одномъ листѣ, за которое желающіе платятъ 10 коп. особо. Книгопродавцамъ обыкновенная уступка.

Продается у автора, къ которому покупатели могутъ адресовать такъ: на станцію „Боголюбово“ Московско-Нижегородской дороги села Боголюбова священнику Аркадію Неаполитанскому; а съ денежной корреспонденціей: Въ Губ. г. Владимірѣ села Боголюбова священнику Аркадію Неаполитанскому.

Священникъ Аркадій Неаполитанскій.

Новое (третье) изданіе Священ. Исторіи

для народныхъ школъ.

Вышла въ свѣтъ и продается въ Тулѣ въ редакціи Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей *Священная Исторія ветхаго и новаго завѣта, соч. Н. А.* (1880 г.), одобренная Св. Синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго руководства для приходскихъ и уѣздныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія и для народныхъ школъ. Изданіе 3-е (второй десятокъ тысячъ), приспособленное къ программѣ для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣсть свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, по 4 пун. 56 ст. Устава о воинской повинности, и къ программѣ приготовительныхъ классовъ гимназіи и духовныхъ училищъ и I класса женскихъ епархіальныхъ училищъ, *съ приложеніемъ молитвъ* (на славянскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ), указанныхъ этими программами.

Цѣна 45 коп.

Выписывающимъ болѣе 10 экземпляровъ уступается отъ 15% до 40%, смотря по разстоянію (разстояніе всѣхъ мѣстностей отъ Тулы можно считать приблизительно равнымъ разстоянію ихъ отъ Москвы, показываемому во всѣхъ Календаряхъ), а именно: на разстояніе не болѣе 600 верстъ уступка 40%. до 1400 вер.—35%, до 2000 вер.—30%, до 2500 вер.—25%, до 3000 вер.—20%, болѣе 3000 верстъ—15%.

Выписывающіе до 10 экземпляровъ платятъ безъ уступки по 45 к. за экземляръ.

На тѣхъ же условіяхъ Священная Исторія ветхаго и новаго завята, Н. А., 3-е изданіе, съ приложеніемъ мо-

литвѣ (1880 г.), можетъ быть выписываема и отъ наслѣдниковъ московскаго книгопродавца Ѳ. И. Салаева.

Адресоваться: или *въ Тулу, въ редакцію Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, или *въ Москву, въ книжный магазинъ Ѳ. И. Салаева.*

Отдѣльно однѣ „Молитвы" можно выписывать только изъ редакціи Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей по 6 к. за экземпляръ. Условія уступки тѣ же, что и для Священной Исторіи съ молитвами, но уступка эта дѣлается только выписывающимъ не менѣе 25 экземпляровъ.

Въ Русской книжной торговлѣ А. Г. Сыркина въ Вильнѣ поступили въ продажу:

Еврейскій и Халдейскій Этимологическій Словарь къ книгамъ Ветхаго Завѣта. Составилъ О. Н. Штейнбергъ, т. I. Еврейско-Русскій. Ц. 3 р.

(Этотъ словарь удостоенъ преміи Высокопреосвященнаго Макарія и одобренъ для духовныхъ семинарій въ качествѣ учебнаго пособія по еврейскому языку).

Полный *Русско-Еврейскій Словарь* тогоже автора часть 1-я А—Н, съ подпискою на вторую часть, (которая выйдетъ изъ печати въ самомъ непродолжительномъ времени). Цѣна 3 руб.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ

(до нач. настоящ. стол.).

Соч. **М. Кояловича.**

Въ 8-ю д. л. X главъ, стр. XII и 400. Цѣна 2 р. на пересылку за 2 фунта. Можно получать чрезъ книгопродавцевъ, или у автора, въ дух. Академіи, С.-Пбургѣ. Или въ Вильнѣ, въ Редакціи Епархіальныхъ вѣдомостей.

— Въ Редакціи находится небольшое количество экземпляровъ этого капитальнаго труда г. профессора Кояловича. Эта книга, рисуя исторію возсоединенія уніатовъ нѣсколько раньше событій 30-хъ годовъ, когда унія въ здѣшнемъ краѣ окончательно пала, но подготовившую эти событія, по своему значенію для западной окраины Россіи и православной въ ней церкви и по своему интересу должна быть настольною книгою всякаго приходскаго пастыря, какъ лучшаго представителя здѣсь православія и русской народности, долженствующаго знать минувшія судьбы своей церкви и края. Желательно, чтобы духовенство епархіи позаботилось о возможно широкомъ распространеніи этой книги.

На дняхъ вышли въ свѣтъ и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и у протоіерея Казанскаго собора А. Булгакова:

Слова и рѣчи Макарія, бывшаго архіепископа литовскаго и виленскаго (нынѣ митрополита московскаго).

СПБ. 1880 г. Цѣна 1 р., на пересылку прилагается за 1 фунтъ.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

Введеніе въ православное богословіе. Цѣна 2 руб., на пересылку прилагается за 2 фунта.

Православно-догматическое богословіе. Два тома. Цѣна за оба тома 6 руб., на пересылку прилагается за 5 фунтовъ.

Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра. Цѣна 1 р. 50 к., на пересылку прилагается за 2 фунта.

Исторія русской церкви. Томы I, II и III. Цѣна за три тома 4 р. 50 к., на перес. прилагается за 5 фун.

Исторія русской церкви. Томы IV и V. Цѣна 4 р., на пересылку прилагается за 3 фунта.

Исторія русской церкви. Томъ VI. Цѣна 2 р., на пересылку прилагается за 2 фунта.

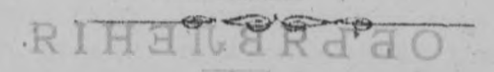
Исторія русской церкви. Томъ VII. Цѣна 2 р., на пересылку прилагается за 2 фунта.

Исторія русской церкви. Томъ VIII. Цѣна 2 р., на пересылку прилагается за 2 фунта.

Исторія русской церкви. Томъ IX. Цѣна 2 р. 50 к., на пересылку прилагается за 2 фунта.

Колокольный Заводъ А. Влодковскаго въ г. Венгровѣ, Сѣдлецкой губерніи, отливаетъ новые, и переливаетъ разбитые церковные колокола, всякаго размѣра, по умѣренной цѣнѣ, съ доставкою по желѣзной дорогѣ на указанныя станціи, не считая издержекъ высылки.

Большие разбитые колокола, находящіеся въ далекомъ разстояніи отъ желѣзныхъ дорогъ, могутъ быть переливаемы на мѣстѣ по цѣнѣ обыкновенной.

Содержаніе № 17-18.

Предыдущій № сданъ на почту 20-го Апрѣля.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11—1880 г.

лицею Израильскаго царства 1Ц.14, 17; славился прекраснымъ мѣстоположеніемъ Пп. 6, 4.

תֶּרֶשׁ n. pr. *Θарра*, евнухъ при Персид. дворѣ Есѳ. 2, 21.

תַּרְשִׁישׁ n. pr. *Θарсисъ*, а) сынъ Іавана Быт. 10, 4; потомками его считаютъ первобытныхъ обитателей Киликіи, гдѣ городъ *Тарсъ*.—б) *Тартесъ*, городъ въ южн. Испаніи, между обѣими рукавами Гвадалквивира (Wadi al-khabir *большая рѣка*), главное мѣсто торговли Финикіянъ Ис. 23, 1-14, добывавшіе оттуда серебро, желѣзо и олово Ір. 10, 9; Із. 27, 12 и 25. Такъ какъ подобное отдаленное мореплаванье требовало кораблей самаго крѣпкаго устройства, то по этому אֳנִיּוֹת תַּרְשִׁישׁ *корабли Θарсійскіе* сдѣлалось нарицательнымъ названіемъ крѣпкихъ кораблей вообще 1Ц.10,22 (ср. 9,28); 22,49; Ис. 2, 16; Псл. 48, 8 (см. Winer Biblisch. Realwörterbuch s. v.). LXX, Тарг. и Саадія разумѣютъ подъ תַּרְשִׁישׁ *море* вообще (ср. Санскр. tarischa *море*); въ связи съ этимъ можетъ быть — в) תַּרְשִׁישׁ названіе одного Персидскаго министра Есѳ. 1, 14. — г) названіе одного драгоцѣннаго камня Исх. 28, 20; Із. 1, 16; Пп. 5, 14; Дн.10,6; по LXX, Іосиф. и Вулг. *Хризолитъ* (топазъ) вѣроятно какъ добывавшійся изъ תַּרְשִׁישׁ въ Испаніи.

תִּרְשָׁתָא (הַ) титулъ Персидскаго намѣстника въ Іерусалимѣ, какъ Зоровавеля Ез. 2, 63; Не. 7, 65 — 70 и Неемін Не.8,9; 10,2, вм. чего הַפֶּחָה 12,26. Слово это сравниваютъ съ Зенд. thvôresta *правитель*.

תַּרְתֵּין см. תְּרֵין.

תַּרְתָּן n. pr. полководецъ Ассирійскій при Саргонѣ Ис. 20, 1 и Санхеривѣ 2Ц. 18, 17.

תַּרְתָּק n. pr. божество Аввійцевъ 2Ц. 17, 31 (въ Пельв. *демонъ мрака*).

תְּשׂוּמָה f. (отъ שׂוּם) *наложеніе, нанесеніе*: תְּשׂוּמֶת־יָד *занесеніе руки* на чужую собственность Лв.5,21. Обыкновенно переводятъ *врученіе*; но слово это вмѣстѣ съ слѣдующими въ стихѣ очевидно описываютъ только различные виды нечестнаго обращенія съ чужой собственностью.

תְּשֻׁאוֹת pl. f. (отъ שׁוֹא) *шумъ, крикъ* Ів. 39, 7; *трескъ, грохотъ* 36, 29; о шумномъ движеніи народа Ис. 22, 2.

תִּשְׁבִּי n. gent. *Θесвитянинъ*, отъ תִּשְׁבֶּה, названія города въ кол. Нефѳал. (Тов. 1, 2), родины пророка Иліи 1Ц. 17, 1.

תַּשְׁבֵּץ m. *клѣтчатая, ткань* Исх. 28, 4 (отъ שָׁבַץ).

תְּשׁוּבָה f. (отъ שׁוּב) **1**) *возвращеніе, обратный приходъ* 1С. 7, 17; о поворотѣ времени 2С.11,1.—**2**) *возраженіе, отвѣтъ* Ів. 21, 34.

תְּשׁוּעָה f. (отъ שׁוּעַ) *спасенье, помощь* Псл. 60, 13; *побѣда* 144, 10.

תְּשׁוּקָה f. (отъ שׁוּק) *стремленье, влеченье, страсть* къ чему (אֶל) Быт. 3, 16; 4, 7; Пп. 7, 11.

תְּשׁוּרָה f. (отъ שׁוּר *являться, свидаться*) соб. *посѣщеніе* чѣмъ нибудь, посему *гостинецъ, приношеніе, подарокъ*, приносимый гостемъ 1С.9,7.

תֻּשִׁיָּה см. תּוּשִׁיָּה.

תְּשִׁיעִי *девятый* Чс. 7, 60; f. ־ִית Із. 24, 1, отъ

תֵּשַׁע f. (cs. תְּשַׁע) и **תִּשְׁעָה** m. (cs. תִּשְׁעַת) *девять* 2Ц. 17, 1; Быт. 5, 5; Чс. 1, 23; 34,13. בְּתִשְׁעָה לַחֹדֶשׁ *въ девятый день мѣсяца* Ір.39,2. תִּשְׁעָה עָשָׂר *девятьнадцать*; f. תְּשַׁע עֶשְׂרֵה. — Pl. תִּשְׁעִים *девяносто* Быт. 5, 9.

תֵּת см. נָתַן.

תַּתְּנַי n. pr. m. *Θаѳнай* Ез. 5, 3.

Дозволено цензурою.— 11 Апрѣля 1878 г. Вильна